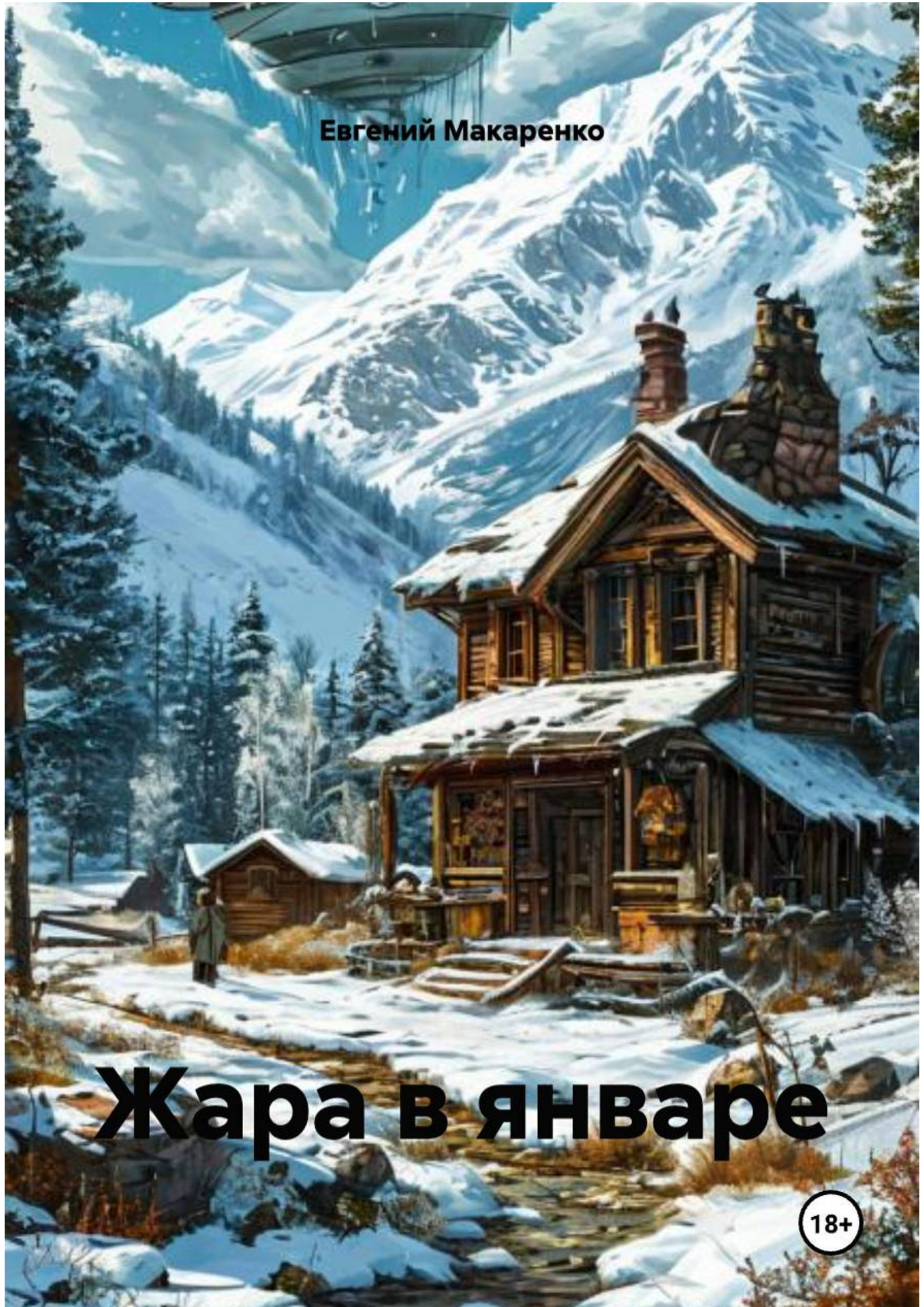

Евгений Макаренко

Жара в январе

18+

Евгений Макаренко

Жара в январе

«Автор»

2025

Макаренко Е.

Жара в январе / Е. Макаренко — «Автор», 2025

Наступает зима. Сибирский хутор Беленький внешне продолжает жить своей жизнью. Словно и не было никаких пришельцев, порталов и походов на Проксима Центавра за редкой водорослью. Неугомонный профессор Лахенштейн продолжает попытки подвести под окружающую чертовщину нвучную базу, а егерь сталкивается с "недокументированными последствиями" принесенной супружеской клятвы. Вторая и заключительная часть приключений Ивана, Тары, профессора Лахенштейна и всех тех, кто оказался втянут в круговорот событий, описанных в первой части ("Лето в октябре") Фигуры расставлены, началась игра. Цепочка ошибок и принятых решений приводит к эпичной развязке.

© Макаренко Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	28
Глава 5.	39
Глава 6.	45
Глава 7.	49
Глава 8.	57
Глава 9.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Евгений Макаренко

Жара в январе

Дисклеймер: любые совпадения названий, мест, организаций, людей, должностей – это случайность. Все события, персонажи и локации данного произведения вымышлены и не имеют никакого отношения к реальности. Наличествует 18+. Натуралистично описанные сцены насилия и катаклизмов. Косвенно упоминаются вредные привычки.

Светлой памяти Аркадия и Бориса Стругацких, мэтров отечественной фантастики.

"Новые звери вышли из двери. В них стреляли, они... отвечали!"

Глава 1

17 октября 2026, хутор Беленький, дом егеря

Первое, что увидел Михалыч, открыв глаза поутру, – всё та же маленькая Тара, сидящая за столом. Причём сидела она точно в той же позе, что и с вечера; однако стоило егерю проснуться, как девочка повернула голову, критически оглядела его и снова замерла, глядя перед собой.

Егерь зажмурился и вновь распахнул глаза – маленькая Тара никуда не исчезла. Он ущипнул себя: больно, но без толку. Попробовал дотронуться до фигурки – рука прошла сквозь неё. Девочка тут же растворилась, но, едва Михалыч отступил на шаг, возникла на прежнем месте.

– Ну, вот и глюканы пожаловали, – вздохнул егерь. – Дожил.

– Сам ты глюкан глюкавый! – задиристо откликнулась девочка. – Не глюк я. А зеркало. Клятва звучит – значит, я здесь.

Михалыч наклонился ближе.

– Кто же ты?

– Отражение Тары. Капля разума, толика чувств. Я внутри тебя.

– Я тебя вроде не звал.

– Слово дал – слово живёт. «Ты далёк, но чувствую тебя рядом. Невидим – но осязаем».

Близость душ намного выше союза тел. И Тара видит свет, пока мы говорим.

– Близость душ, значит? – прищурился егерь. – А ну сгинь!

– Не тьма я. Свет, – обиделась девочка. – Я – Анима! И твоё слово для меня закон.

Она поднялась из-за стола и исчезла. Егерь сел, стараясь унять дрожь в руках, затем набрал номер друга.

– Иваныч, удобно? Не дежуришь? – спросил он как можно спокойнее.

– Нет, я только завтра с утра, – ответил врач. – Что случилось? Голос у тебя странный.

Простыл что ли?

– Приезжай-ка сегодня в гости. Чайку попьем, да побеседуем.

– Ближе к вечеру буду, – коротко бросил доктор. – Сейчас в больнице. Держись!

– Принято, – ответил Михалыч и отключился.

«Будем действовать по старой армейской науке: чем бы солдат ни занимался – лишь бы задолбался», – решил он.

*

Так Михалыч и провёл большую часть дня, разрываясь между привычной рутиной и новым, непрощенным беспокойством.

С утра он обошёл западную границу участка: проверил капканы на куницу, перекрыл проломанную проволоку у солонца – местные лосихи за лето растолкали ограждение, словно нарочно. По пути заметил свежий след росوماхи: глубокие отпечатки на мерзлой траве, чуть в сторону от старого мостка. Отметил место в блокноте – вечером за чаем обсудит с Михаилом Иванычем, доктор всегда любил слушать про «таежных аборигенов». Да и с росوماхой надо уху остро держать – ей только дай в дом забраться, да погром устроить.

К полудню занялся дровником. Надо было добить последний штабель сыроватой осины – если её не распустить, в морозы потрескается и пойдет гнилью. Пилу вёл ровно, не торопясь. Стучал топором размеренно, будто отбивал такт по незримому метроному. Но всякий раз, когда лез за новым полешком, взгляд цеплялся за край двора, где нет-нет, да и мерещилась девчоночья фигурка с кошачьими повадками. Умом-то он все понимал, но спина по-детски холодела: «анима» какая-то... Таким свидания назначают на кушетке у мозгоправа, а не на ветру среди осиновых чурок.

Потом, чтобы прогнать липкую тревогу, Михалыч принялся чистить карабин – старый армейский способ. «Каждый раз, как тебя скрутит», говорил бывало их командир, постукивая каменным пальцем по столу, «берешь и чистишь ствол. Лучше всего помогает от дури всякой!» Он разобрал затвор, проверил боек, протер ветошью ствол. Едкий запах оружейного масла вычеркивал из сознания абстрактные сюжеты, возвращал в солдатскую, предельно понятную геометрию: есть цель, есть прицел, есть усилие на спусковом крючке. Но стоило собрать ствольную коробку, как тень девчонки-«анимы» снова всплывала на периферии: будто она пряталась в зеркальном отблеске затворной стали.

К четырем часам, когда солнце начало проваливаться за голые кроны, Михалыч набросил на плечи фуфайку и вышел к колодцу – натаскать воды, помыть посуду перед приходом гостя. Ведро звякало цепью, вода пахла мокрым железом. Он прикидывал: доктора надо встретить с крепким боровичком, тушёным в сметане, – тот любит простую, натуральную пищу. В доме уже витал рябиновый дух чая, в эмалированной кружке мокли сушеные яблоки.

К сумеркам осталось последнее – протопить баньку. Михалыч подобрал берёзовых «болванок» и полностью открыл трубу. В розовеющих под закатными лучами клубах дыма над крышей углядел что-то похожее на детский силуэт – будто анима проверяла, не передумал ли хозяин. Он пробормотал себе под нос пару крепких слов, встряхнул головой и занялся веником: смолистые можжевельные веточки нужно было отпарить, чтобы не кололись.

*

Когда в небе зажглась первая острая звезда, послышалось тихое тарыхтение двигателя, а за ним – собачий лай. Машины у доктора отродясь не было. Ездил он на велосипеде, а теперь приделал к нему мотор. За воротами скрипнуло ранним ледком – утреннюю сырость прихватило скрипучей коркой.

Наст скрипел под сапогами, будто старый граммофон-патефон, заедавший на одной и той же хриплой пластинке. Ветер шелестел по крыше, да где-то у трубы поскрипывал неплотно прижатый кусок кровельной жести. От этого мяукающего звука Михалыч дергался, словно караульный на посту. Внутри избушки пахло ламповой гарью, хвойной смолой и лёгким – едва уловимым – озоном: так пах портал, когда он закрылся.

Всё было готово: чай настоян, печь нагрета, карабин почищен, баня курится парком из водогрейного бачка. Но главная подготовка случилась в голове егеря. Весь день он учился дышать без тревожного комка – и теперь был почти готов спросить друга: «Скажи честно, Миша, если тебе вдруг явится девочка с кошачьими ушами – ты согласишься, что это я схожу с ума, или признаешь, что мир все-таки шире наших понятий?»

Дверь распахнулась, и ввалился Михаил Иванович – высокий, неуклюжий. Он топнул валенками, стряхивая ледышки. Бросил удивленный взгляд на бутылку и стакан на столе.

– Здоров будь, стрелок, – буркнул он, – опять притворяешься, что старость тебя не касается?

Не успел егерь ответить, как доктор, словно вспомнив чужой сон, выпрямился и отчеканил:

– «Per aeternitatem jurisjurandi coram Creatore Mundi...
Anima atque Animus,
velut binae alae unius essentiae,
a Conditore genitae et in Aeternitatem properantes...»

Латынь звенела, словно кто-то накинул на комнату тонкую медную проволоку и пустил ток. У Михалыча перехватило кадык. Он почти ничего не понял, но уловил созвучие с первыми строчками Клятвы: «Lá-nyama ín Ánima, lá-nyama ín Ánimu»

А дальше в голову, подобно стилету, вошла мысль: доктор же цитирует Клятву, но латыни! Откуда он ее знает? Где слышал? Тара что-то говорила про «почти приносила Клятву, но...»

Ревность вспыхнула, как порох. Навязчивые картины «предательства» Тары, усиленные глубокой обидой непонятно на кого и на что, затопили контуженную голову Михалыча, как половодье – болото. Наедине с ревностью человек всегда проигрывает: она бьет из слепой зоны.

Он встал, опрокинув табурет, и вышел в сени. Там, под рукой, висел карабин – верный спутник в лесных походах. Стоило коснуться вороненой стали – и мир вокруг привычно сжался до «милдотовской» сетки прицела и мишени за шестьсот метров.

– Стреляй, – тихонько сказала маленькая Тара, возникнув у порога, – только сначала объясни себе, в кого именно ты целишься. В друга, в меня или в собственный страх?

Пальцы, нажимавшие когда-то на спуск с шелковой мягкостью, теперь дрожали. Егерь втянул воздух, досчитал до пяти – старый армейский метод – и опустил оружие. Положил свободную руку на стену. Посмотрел на ружейный крюк.

В избытке по-прежнему горела керосиновая лампа – потрескивала, будто тоже нервничала. Доктор сидел, что-то просматривая в мобильнике.

– Миша, – хрипло сказал Михалыч, – откуда знаешь эти слова?

– Да понятия не имею, – развел руками врач. – Шёл по тропе, и как-то само в голове возникло. Я сам латынь со студенчества толком не помнил.

– А ты часом... не поп? – спросил егерь, и в голосе его ещё скребла сталь.

Доктор задумался.

– Дед мой... Да-да, точно! Дед был священником. Расстрелян в тридцать седьмом...

И он перекрестился: быстро, порывисто, будто нехотя доводя руку до конца.

Маленькая Тара подошла ближе; в ее глазах вспыхивали блики печного огня.

– Коснись – и увидит, – попросила она.

Михалыч послушно протянул ладонь. Врач коснулся – вздрогнул. Девочка стала для него так же зримой, как старые бревна и карабин в судорожно сжатой ладони егеря. Врач с трудом сглотнул:

– Ничего себе глюки ты завёл... Я, выходит, второй зрячий.

– Я – Анима, – сухо откликнулась маленькая Тара. – Поздравляю, субъект Семенов! Двоих уже достаточно, чтобы утверждать: явление объективно.

– Анима значит, – нервно хохотнул Михаил Иванович. – Прямо по Юнгу. Мужское альтер-это...

И вдруг расхохотался, но смех этот был колючим.

– Старик, ты трижды болван! Первое: Тара не человек. Ждать от неё человеческих слабостей – всё равно что ревновать ветер к берёзе. Второе: если я хоть что-то понял, то для нее измена исключена просто по умолчанию. Для прогрессора клятва – это топология бытия. Узел, что не развяжешь даже если Вселенную перекроить и сшить по новой. И третье: надо было тебе лезть в портал, не раздумывая. Я бы пошёл... но выбрали не меня!

Он стукнул кулаком по столу; кружка тренькнула.

– Портал для тебя тоже открыт, – осторожно заметила Анима. – Успеешь... надеюсь...

– Прекрасно, – фыркнул егерь. – Врач-атеист с поповскими корнями разговаривает с глюком об основах бытия, а отставной снайпер ревнует свет к зеркалу... Так что ли? Чего нам ещё не хватает? Летающей коровы?

– Корова не нужна, – вздохнул доктор. – Нужен смысл. А со смыслом у тебя, Ваня, скудно. Да и я – не ветеринар.

Тишина раскатилась, как пустой вагон по рельсам. За стеной ухнул филин.

– Я убийца, – глухо произнес Михалыч. – Убивал по приказу, часто даже без злости. И вот думаю: имеет ли право такой человек на любовь вселенского масштаба?

– Имеет, – ответила Анима. – Видевший смерть больше ценит жизнь. Хранит ее чище. Доктор наклонился к огню, затем повернулся обратно.

– Вот что, фронтовик. Первое: карабин – на крюк. Второе: каждый день пиши письмо Таре. Хоть на бересте, хоть на этикетке от тушёнки. Главное – фиксируй существование. Третье: перестань прятаться в одиночестве.

Маленькая Тара кивнула.

– Сомневаешься, считай до двух. Хотя бы два пути – и пуля останется в гильзе.

Егерь встал, вынул магазин, бросил его на стол, потом вернулся в сени и пристегнул карабин к охотничьим крючьям, как пристёгивают буйного больного к каталке – чтоб не навредил.

– Михалыч!– крикнул вдогонку доктор.– Что в стволе – мне отдай! Раз уж для меня приготовил.

Послышался лязг затвора и дробный перекат по полу. Потом вернулся Михалыч и со стуком поставил патрон на донце перед другом. Потом опустился на скамью и впервые за весь вечер улыбнулся – тонко, в тишину.

– Ладно. Жить – так жить. А ждать... научусь.

Доктор хлопнул его по плечу.

– Вот и отлично. Экзистенция, батенька, – это не вопросы «кто виноват» или «что делать», а ответ «да, несмотря ни на что».

– На хрена тебе патрон-то?

– Чтобы окончательно закрыть инцидент,– ответил доктор, тщательно протирая гильзу салфеткой и пряча в карман.– Все, вопрос закрыт.

Михалыч опустил глаза.

– Что мне делать? Ждать?

– Ждать – это гнить, – сказал доктор. – Ты жить приготовься. Твой организм – уже как минное поле: стресс, бухло и одиночество... Насчет писем Таре – я серьезно. Нацарапай хотя бы «Тара, день прошёл, я жив». Накапливается смысл. Смысл держит голову, а голова держит сердце.

– Смотри на людей: в каждом искра Творца, – добавила Анима, – Прицел видит след пули, а сердце – след света.

В эту минуту огонь в печке вспыхнул особенно ярко. Посреди искристого зарева девочка-Тара вдруг на миг стала взрослой женщиной с золотистыми глазами – той самой, настоящей. Она смотрела на обоих мужчин с бесконечной нежностью исследовательницы, которая нашла наконец доказательство: Homo sapiens способен превышать запланированные параметры.

– Когерентность узла держится, Иван, – сказала она. – Время пока есть. Учимся. Мы все.

Мерцание сжалось обратно в детский силуэт, но теперь уже никто не сомневался – это не фантом, а линия связи, протянутая сквозь космическую бездну. Отличалась лишь речь взрослой Тары. Егерь помнил ее не такой. Профессор, будь он здесь, заподозрил бы топологический дефект связующей струны. Врач предположил бы искажения восприятия. Егерь не подумал ничего – Тара помнит о нем, и хрен со всем остальным.

Доктор осторожно взял Михалыча за плечи.

– Старик, пойми: ты не один. Нас трое. Ты – сила, я – свидетель, она – огонь.

По стеклу окна побежали разводы. Снаружи начинался мелкий мокрый снег. А внутри избушки трое сидели, словно вокруг невидимого костра. Потрескивали поленья в печи, и от огня по стенам бегали рыжие звери: лиса, куница, росомаха... Но тепло шло больше изнутри, чем от печки. Три растрепанные судьбы, две кружки чая и один-единственный, зато абсолютный шанс выполнить данное слово до последней буквы.

Глава 2

20 октября 2026, хутор Беленький

Минуло три дня после отбытия загадочных гостей. Хутор все так же лежал в низине, как забытое семечко на морщинистой и заскорузлой ладони тайги. Каких-то пять дворов, но всё равно чувствовалось: это почти город, целая вселенная для того, кто привык к одиночеству.

С одной стороны к хутору подступал сосновый бор, а с другой уже начинался болотный ольховник. Редкие берёзы шевелили ветвями, вычесывая из воздуха октябрьскую морось, и лишь под вечер, когда стихал ветер, слышно было, как редкие тяжелые капли щелкали о доски колодца. Осенний вечер тускло догорал: последний огненный отблеск заката дрожал над болотом, будто кто-то невидимый держал там красный фонарь.

Со стороны города по просёлку, засыпанному щепой, словно нехотя, въехала на хутор чёрная «Тойота-Тундра» с московскими номерами. Машина явно проделала немалый путь: грязь застыла на полированных бортах тяжелыми грубыми мазками, задние амортизаторы просели под грузом. Пикап медленно подъехал к приземистой, очень длинной избе профессора и остановился. Двигатель словно выдохнул напоследок – и стих.

Из машины первым выбрался высокий, грузный, пожилой мужчина. Одет он был в новенькую «горку». Лысину, усеянную пигментными пятнами, покрывала ещё советских времён шерстяная шапочка. Взгляд его был медлительным и тяжёлым: учёный, ушедший на руководящую должность. Это был Платон Николаевич Краузе – старый друг и бывший начальник Лахенштейна.

Следом показался высокий сухощавый парень лет тридцати, одетый по-городскому неброско. В глаза бросалась лишь жесткая и явно недешевая, искусно сделанная кожаная куртка, густо запыленная дорогой. На его лице играла чуть отрешенная улыбка, словно у человека, видевшего мировой океан с другого берега. В руках молодой человек упрямо сжимал небольшой рюкзак, будто это был штурвал межзвездного фрегата. Он медлил выходить и, даже ступив на землю, оставался слегка рассеянным, будто смотрел одновременно сквозь стены, через облака и вглубь собственной памяти. Звали молодого человека Иван, и был он здесь лицом совершенно неофициальным, а может быть даже и праздным.

На крыльцо, грохоча тяжёлыми башмаками, вышел хозяин – профессор Александр Соломонович Лахенштейн. Глаза его, быстрые и цепкие, излучали почти мальчишескую радость: привезли-таки приборы! Он сунул руки в карманы, пружинисто спустился по ступеням и заколебался между «Привет, старый друг!» и «Как вы смеее опаздывать на такое торжество науки?». В итоге получилось всё сразу:

– Платон, голубчик, клянусь всеми чертями Ферми, – я уж не верил, что приедешь! – он обнял Краузе, после чего метнул взгляд на молодого человека и, словно вспомнив обиду, сухо кивнул: – Здравствуй, Иван.

– Здравствуй, отец, – так же сухо отозвался тот.

– Тебя проводить в последний путь – удовольствие сомнительное, – буркнул Краузе и постучал ладонью по металлическому футляру на грузовой платформе. – Но по твою душу привёз вот это.

От машины послышался лёгкий, почти музыкальный звон: вибрировали стяжные цепи вокруг металлического ящика. То был НАК-700-М – наблюдательный аналитический комплекс, модульный монстр, умеющий видеть сквозь ночь, туман и, казалось бы, проникать саму ткань пространства. Профессор прищурился, как кот, почуявший теплую сметану.

– Ну, милости просим! В доме простор, на чердаке прохлада, у печи тепло, лишнего не надо, – с жаром заторопился он. – Платон, ты ещё и высоковольтный блок привёз? Превос-

ходно. А спектрограф на сто пятьдесят каналов? Тоже интегрирован? Умеют же в Обнинске... Азот? Чиллер? Генератор?

– Тише-тише, Сан-Семильич, – осторожно заметил Краузе. – Даже самоходный дрон есть, чтобы всё это добро на горбу не таскать. Но имей ввиду – комплекс мы взяли под честное слово. До следующей весны он по бумагам в ремонте и модернизации. Нет подписи – нет приборов, сам знаешь.

– А что на самом деле в ремонте?

– Трекер от него, – грустно улыбнулся Краузе. – На его место ребята заглушку собрали.

Лакенштейн только махнул рукой. Его уже захлестнул привычный азарт: из глубин разума наружу прорывался вулкан гипотез и формул. Он бормотал о локальной метрике, о квантовых подвижках α -константы, о том, что, если повезёт, «снимем такой пассаж, что в Женеве мозги вспухнут». Он говорил быстро, слегка подавшись вперед, словно опережал самого себя.

Рядом стоял Иван, и с каждым словом отца лицо его мрачнело. Таким взглядом наверное следователь Инквизиции смотрел на допрашиваемого.

– Рад, что нашёл время, – сказал отец, стараясь звучать буднично. – Поможешь с монтажом.

Иван ответил негромко, почти шепотом:

– Я не помогать приехал, отец.

– Ах да, – язвительно проговорил профессор. – Ты ведь... путешествуешь, – слово он взял в кавычки лёгким кивком. – Теперь, я слышал, и работу бросил. За десять лет странствий – ни диссертации, ни строчки публикаций. Из аспирантуры вообще вышибли, не приняв.

Парень улыбнулся печально:

– Публикации доказывают только то, что бумага всё стерпит.

– А вот приборы терпеть не умеют, – подхватил Краузе, чувствуя ненужность в зарождающемся споре. – Сан-Соломоныч, нам бы разгрузить, пока не стемнело.

Тут Платон Николаевич оступился и провалился в ямку в колее, выбив фонтанчик черной жижи. Он резко потерял интерес к процессу и стал отряхивать штаны.

– Иван, – отец повернулся к сыну, – болото вот-вот покажет активность, спектры нужно снять, пока погода держится. Пойми, это шанс – привести доказательства того, что пространство здесь особенное, нестабильное!

Сын поднял голову к ночному небу. С болота тянуло острым холодом и намеком на нечто бесформенное и не спектрографируемое.

– Пап, – сказал он мягко, – а может некоторые двери лучше оставлять закрытыми?

Лакенштейн откинулся, будто получил пощечину.

– Двери? – голос его дрогнул. – Знаешь, сколько лет я жду хоть шелки? Я шёл к этой работе через издевательства. Шел через обкомы, через комиссии по лженауке! Шел через безденежье, через братков девяностых и торгашей двухтысячных!!! Маски разные, а рожи все те же... невежи... – процитировал он известного барда. – А ты говоришь: «закрыть»?

– А если за щелью кто-то уже стоит? – тихо ответил сын. – И никто из нас, людей, не готов к встрече? Даже твоя аппаратура не готова. Что тогда?

– Прости, сын, но по твоим фантазиям не напишешь отчет, – жёстко отсек профессор.

– Отец, – перебил сын негромко, – разве тебе мало теорий? Зачем лезть в то, чего не понимаешь?

Лакенштейн удивлённо поднял брови:

– «Не понимаю»? – он даже усмехнулся, но смех был колючим. – Мне почти семьдесят; я полжизни гонялся за подобными феноменами! Почти все кандидаты сошлись на том, что это

оптическая игра болотных газов. Дмитрия Ивановича Лазарева за это с кафедры выгнали. А я вижу – не газы! Нужна аппаратура, точная, безжалостная, и тогда...

– Тогда, – тихо сказал Иван, – что-нибудь может случиться, и дороги назад не будет.

– Сентиментальный вздор! Видишь ли, сынок, науку делают не раскаянием, а данными.

Айда, Платон, помоги-ка занести.

Краузе застыл между двумя полюсами: с одной стороны – старый товарищ, последний якорь их академических лет; с другой – молчаливый парень, в котором чувствовалась неясная сила. Платон, кашлянув в кулак, всё же потянул за край ящика, откидывая запор. Металл звякнул.

– Отец, – Иван подался вперёд, – послушай меня хотя бы...

Лакхенштейн вскинул брови:

– Вот что, Иван Александрович. – тон его внезапно стал ледяным; в этом холоде пропустил реальный возраст, прожитый на кафедрах и полевых базах. – Ты хороший парень, но ты не прошёл ни аспирантуры, ни даже нормального дипломного практикума. Можешь объяснять себе всё «волей божьей» или чем ты там любишь. Ценю твою заботу, но позволь профессионалам решать профессиональные задачи. Не вмешивайся. Всё.

Слово «всё» повисло, как хлопнувшая дверь. Иван хотел ещё что-то сказать, но увидел, что отец повернулся к нему спиной, и понял: «всё» сказала именно эта спина.

В этот момент за изгородью стукнула калитка, и раздался бодрый голос Ивана Михалыча:

– Вечер добрый, господа физики-лирики! Что за железу складируете? Не сожрет ли она наше электричество без остатка?

Егерь заметил напряжение без слов: взгляд на профессора, взгляд на сына, оценивающе – на Краузе. Он подтянул на плечо ружьё без патронов – магазин был умышленно отстегнут и убран в карман, чтобы не страшить столичных.

– Это, дражайший Иван Михайлович, – надел ученую маску Лакхенштейн, – измерительный комплекс, который наконец докажет...

Профессор запнулся: в его понимании требовалось сейчас объяснить нейтринно-волновой парадокс пастухам с бронзовыми мечами.

– Докажет, – кивнул егерь серьёзно, – или провертит дырку в том, что и так еле держится. – он заглянул профессору в глаза, как заглядывают в костёр, проверяя, горячи ли угли. – Болото нынче злое. Послушали бы сына, Сан-Соломоныч.

– Э-м... – повернулся к егерю Краузе.

– Васильцев Иван Михайлович, – представился тот. – Местный егерь и сосед Александра Соломоновича.

– Иван Михайлович, вы очень кстати! Мы тут, понимаете ли, научную установку разворачиваем, – Краузе кашлянул. – Так что... коллеги, давайте отложим метафизику и сказки. Рабочий день короток, а мы...

– А мы, Платон Николаевич, люди, – мягко оборвал его егерь, – и людям свойственно выбирать, верить или не верить всему, что звенит и мигает. – он поставил керосиновый фонарь на ступень, и свет лёгким золотом потёк по лицам. – Я чайник поставил. Разговор продолжим за столом. С приборами и разгрузкой торопиться не советую. Ночь сегодня безлунная.

Он повернулся к Лакхенштейну:

– Сказка-то, профессор, иногда мудрее формул. Видишь, сын-то твой просит по-хорошему.

Лакхенштейн хотел возразить, поднял руку, будто искал ответ, но слова рассыпались. За домами что-то хрустнуло в мокрой трясине – короткий вздох земли: не то корень лопнул, не то шаг кто-то сделал. Профессор шумно втянул воздух, но вместо ответа вышло лишь ворчливое:

– Помогайте, если пришли.

И тут Иван Михайлович хлопнул по ящику так, что стенка его гулко и протестующе звякнула:

– А вот не помогу. Сначала – чаёк, потом – думать. Профессор, вы забыли, как болото рассердилось прошлой зимой? Порезало льдом все ловушки, вывернуло настилы. Не стоит злить его без нужды.

Лахенштейн сдавленно засмеялся:

– Иван Михайлович, да бросьте вы свои шаманские байки, мы люди XXI века!

– Эк, как гордо! – егерь прищурился. – Тогда напомним: у XXI века есть ещё и ответственность. В лесу да на болоте – моя. А что у вас? – он ткнул пальцем профессора в грудь. – Любопытство?

Профессор запнулся. Сын сдержанно улыбнулся, благодарно кивнув егерю. Михалыч внимательно посмотрел в ответ – кого-то ему этот тёзка напоминал, но он никак не мог вспомнить кого именно. Ветхий хутор в эту минуту стал рубиконом, где столкнулись три упрямых вселенных: энергия старого ученого, загадочный опыт сына-скитальца и пахнувшая терпким сосновым дымом мудрость егеря.

Молчание нарушало лишь тихое попискивание приборной панели: комплекс, запитанный от аккумулятора прямо в ящике, уже запускал самотест. Зеленоло окошко индикатора, и в его отражении профессор увидел на мгновение своё лицо – усталое, взъерошенное, с тенью неуверенности. Хотя, может, ему лишь показалось: темнело вокруг на глазах.

– Ладно, – буркнул он, пытаясь сохранить лицо. – Чай так чай.

И они пошли к дому, где чайник уже шумел на печке. Тёплый свет окон егерского жилища поглотил всех четверых, словно огонь не жгущий, но согревающий.

Чай пили долго и со вкусом. Деревянные стены дышали ночной прохладой, огонь керосинки отбрасывал на потолок неуверенное жёлтое пятно. Спорных тем не касались. Иван-сын больше смотрел в глиняную чашку и молчал, словно созерцая скупую игру бликов. Егерь в основном комментировал лишь тонкости заварки трав и ягод. Краузе и Лахенштейн вспоминали молодость.

Потом Краузе начал клевать носом: почти полсутки за рулём в его возрасте – немало. Лахенштейн отвел друга в комнату, а сам вернулся за стол.

– Отец, – вдруг произнёс Иван, – ты ищешь доказательства там, где осталась только вмятина от удара. Но вмятина не расскажет, кто бился и зачем. Всё равно что гладить тень от человека и ждать, что она потеплеет.

– Я уже всё сказал, – тон профессора стал снисходительным, будто он разговаривал с неразумным ребенком. – Если у тебя есть факты и цифры, объясняющие здешние феномены, – милости прошу! Что за поля? Какова их природа? Какой интеграл действия? Нужен факт, объект, число. Тогда разговоры про «двери, которые лучше не трогать», перестанут быть религией трусости.

Он хотел ещё что-то добавить, но оборвался: Иван смотрел так спокойно, что это спокойствие резало слух, словно свист ветра в мушке ружья.

– «Религия трусов», значит... – в голосе сына не было ни язвы, ни угрозы, скорее лёгкая досада. – А что, если смелость – это умение признать, что есть вещи, не предназначенные быть игрушками? Ты утром вскроешь кочку, днем достанешь образец, вечером отчёт улетит в столицу. А через день сюда приедут другие – с экскаваторами, блок-постами и реестрами допуска. Пойдут отчёты, формуляры, протоколы. Болото распадут, и хорошо, если тебя не похоронят под отвалом всей этой бюрократии, а то и похуже... Это болото – как диковинная птица: поймашь в клетку – перестанет петь.

– Прекрати поэзию, – отрезал профессор. – Прямо «Гамлет-На-Болоте»! Ты так говоришь, будто здесь годами жил! А у меня нет роскоши просто наблюдать за птицей, не называя ее вид. Научный век короток.

Он помолчал и добавил:

– Ты всегда был фантазером, это тебе удавалось лучше всего. Но что ты о себе возомнил, если ставишь себя выше науки? Шёл бы в артисты!

– Я ставлю жизнь выше любой структуры, – отрезал сын.

– Наука – не структура, – мягко усмехнулся профессор. – Это религия наоборот: она идёт к истине с другой стороны.

– И это выше жизни? – Иван откинулся на спинку. – Чем ты тогда лучше инквизиторов с их кострами?

Они смотрели друг на друга – не враги, не союзники, чем-то похожие, но очень разные, как бореи и пассат. Лица их освещал один и тот же огонь лампы, но тени падали в разные стороны.

Профессор поднял взгляд, в котором мелькнули нездоровые искорки:

– Я рискую только своим. В мои планы входит заглянуть за край, но не заходить за него. Просто не мешай. Хотя – как ты сможешь помешать?..

Иван не ответил, но по выражению его лица отец понял: сможет. И эта неясность злила профессора сильнее, чем необходимость препираться.

– Не буду мешать, – вздохнул Иван. – Только край иногда уходит из-под ног внезапно. Успей хотя бы позвать на помощь...

– Это уж моя стезя, – усмехнулся профессор, – балансировать на краю.

Снаружи хлопнула дверь: егерь, кутаясь в телогрейку, возился с дровами. Шорох поленьев вернул разговор на грешную землю.

– Видишь, – усмехнулся сын, – в любом споре есть третья сила: обыденность. Стоит печке остыть – и мы идём за новыми чурками. Не поймём друг друга?

– Поймём, – спокойно возразил профессор, – просто не согласимся.

– Ты мудр, отец...

– Просто живу долго.

– Тогда почему...

– Сынок, довольно. Давай хотя бы уважать друг друга.

Иван поморщился:

– Я не об этом. Вопрос житейский. И последний.

Профессор кивнул.

– Я никогда не спрашивал: почему ты тогда ушел, оставил нас?

Лицо Лакенштейна исказила сардоническая усмешка:

– Я не ушел, сынок, меня уволили. Твоей маме не нужен был нищий ученый. Она была слишком яркой для девяностых. С первого раза не вышло – её ухажёра взорвали вместе с ее лучшей подругой, а не с ней. Именно в тот день... – руки профессора дрогнули. – она попыталась вернуться, но тут уже я пошёл на принцип. Второй раз у нее все было удачнее.

– Никто мне об этом не рассказывал, отец, – вздохнул Иван.

– Зачем тебе это? Наука стала для меня всем. Никому не надо знать, на что пришлось пойти, чтобы сохранить свою стезю. Кому и какие услуги оказывать... И вот, на грани открытия, бросить всё – значит предать тех, кто не вынес этого бремени.

Сын кивнул, коснулся плеча отца – не как миротворец, а как человек, принимающий другого таким, каков он есть.

– Прости, отец. И, наверное, прощай... Хотя надеюсь, ещё увидимся.

– На всё – воля Божья, – с лёгким сарказмом ответил профессор.

Уже в дверях Иван обернулся:

– На всякий случай: если вляпаешься в беду – постараюсь вытащить. Если сможешь удержаться от последнего шага – честь тебе. Если нет – я не готов умирать за колонку цифр.

Профессор не ответил. Даже не повернул головы.

Иван вышел на крыльцо и тихо втянул морозную сладость ночи. Он сделал всё, что мог. Минула полночь, а значит уже сегодня им придётся уехать: Краузе нужно быстрее вернуться в Обнинск. Придется рулить по очереди. А перед поездкой через Урал машине полезно пройти профилактику, и лучше это делать не в Кромске.

Оставшись один, профессор склонился над блокнотом. Он писал быстро, размашисто, будто прокладывал мост из слов туда, куда кто-то другой, возможно, ходит без карт. Каждому своё: одному – числа, другому – шаги по мечтам и фантазиям, где почти не остается следов. Быть может и мир держится лишь пока оба маршрута остаются открыты, даже если они никогда не сходятся.

На следующее утро ни о чем уже не спорили. Быстро и буднично разгрузились: комплекс, генератор и прочее оборудование вытащили по отдельности, а дрон вообще съехал своим ходом. Так же буднично гости распрощались и уехали, словно их и не было. Профессор и егерь снова делили хутор на двоих, как уже сложилось годами...

Глава 3

28 октября 2026, тайга

Минула неделя после визита гостей к профессору. Наступил конец октября, что для егеря означало новые хлопоты. Минувшее приключение с Тарой пролетело и закончилось, оставив послевкусие воспоминаний и глубоко спрятанное томление ожидания. Однако дела насущные никуда не делись. С самого начала месяца он обходил зимовья, вносил в амбарную тетрадь каждую белку, развозил соль по кормовым площадкам да подновлял зимовья. Теперь наступило время вернуться домой, на хутор, где сухари выжидают в полотняном мешке, а печка, должно быть, уже забыла, как звучит дровяной гул.

И схалтурить нельзя. С первого ноября начнется выдача лицензий на пушнину, а значит, на Беленький потянутся угрюмые немногословные промысловики, желающие получить заветную бумажку. И надо знать, кому и что разрешать. Занижаешь нормы – лови потом по лесу «серых проходимцев» и просто браконьеров. Завысишь – и зверя выбьют да распугают, а крайним будешь ты.

Крайняя вылазка заняла почти четыре дня: пришлось изрядно повозиться. Болото здесь врезалось в холмы длинными лучами-промоинами, кое-где переходящими в камовые россыпи с уныло журчащими между камней ручьями, что обычно пересыхали летом. Местность оказалась труднопроходимой для трелевочников, и до раскидистой кедровой рощи пока не добрались. По всей округе лесных великанов, что набирали силу по веку и более, нещадно валили на срубы для богатеев, но не здесь, а восточнее, куда доставала удобная просёлочная дорога.

Два солонца пришлось переносить, да ещё изрядно обветшала самая северная из заимок. С ней оказалось особо хлопотно: работать пришлось максимально тихо – совсем недалеко залег в берлогу косолапый.

Ещё вчера вечером, пробираясь к заимке, егерь сильно припозднился. Когда подмерзший мох стал похрустывать, будто невидимые клавиши, Михалыч увидел свежий след лося – молодой бычок, широкая поступь, даже не оглядывался. Егерь улыбнулся: значит, кормовое окно еще открыто, солонцы делают своё дело. Он заложил за следом букет из зелёной кедровой лапы, будто письмо, оставленное почтовым голубем.

За камовой россыпью листву смяли медвежьи «валенки» – крупный самец, три дня как залег в берлогу, но просыпался, ворчал, выходил «подышать новым воздухом». Егерь присел, тронул руками ещё не промерзшую землю. Прислушался: где-то под корягой тихо шептал ручей, сохранявший лето в своем лоне. «Спи, хозяин, – словно шептал он, – мы бережем твой сон». Иван Михалыч не стал задерживаться и скорым шагом отправился выше.

Ближе к перевалу, ведущему к соседней россыпи, где двойная слежка барсучьих нор сливалась в одну, обретался искомый старый лабаз: крыша навеса просела, ткнулась носом в землю. Михалыч снял топор, подновил веранду шестом, поправил наклоненную печурку. Печка, почти забывшая беседу с живым огнём, проснулась быстро: достаточно было щепотки бересты, двух сухих поленьев и старой сказки о том, что огонь вечен, пока есть кто-то, кто верит в тепло. Пламя поднялось, угли задохнули чайк в маленьком походном котелке. Егерь протянул к огню ладони: не грелся, а обменивался новостями – у леса своя почта, ясная до последней птичьей трели, до треска сучка на морозе. Когда из трубы показался дымок, лабаз будто вздохнул, расправляя плечи, и снова принялся сторожить чашу.

Чай закипел в котелке, и заимка наполнилась запахом копченой смолы, легким и добрым, как запах новогодней елки из детства. Михалыч заварил щепотку кипрея, бросил в кружку кусочек брусничного варенья – и горячий, терпкий глоток пошёл гулять по телу, доставляя тепло аж до пяток.

Вечером тайга подбросила подарок: белый рябчик, забыв осторожность, подсел на сосновую ветку у тропы. Сквозь тонкую корону лапника просачивался последний свет. Иван Михалыч снял ружьё, прикинул, провёл мушку... и опустил ствол.

– Пока держится бабье лето – живи, – прошептал он птице.

Рябчик мигом исчез, и старый снайпер вдруг понял: вот она, истинная власть человека над тайгой – уметь не пользоваться ею.

Возле лабаза на дереве висела фотоловушка с солнечным питанием. Несмотря на слабое осеннее солнце, мощный железо-фосфатный аккумулятор держался уже две недели. Солнечная панель была прикручена отдельно, с южной стороны ствола, но и ее не всегда хватало. Егерь заменил батарею и карту памяти на новые, а сам уселся у огня и стал просматривать журнал через смартфон. Тетрадь по привычке распахнулась сама. Записал: «Лось (мыс Боровой) – след свежий, крупный. Бурый медведь – берлога подтверждена, координаты те же». И добавил невидимой строкой: «Ворон-подлец таскает соль с площадки номер три – не мешать. Зима близко!». Потом подумал и приписал карандашом внизу: «Тара! Лес держится. Человек – тоже». Поставил точку крупную, как черничная ягода. Подул на страницу: буквы подсохли, запахло графитом и дальними странствиями.

Там его и застала ночь: на каменной террасе, где ручей ещё не сковало льдом, а только наметало серебристую кожуцу. Егерь выставил фонарь на валун, почти к кромке воды, чтобы путнику, если такой появится, не пришлось плутать. Обработал спиртом культю под протезом, после чего лёг на постеленный еловый лапник и уставился в небо. Звёзды медленно вращались, будто гигантское поле неведомых шахмат, где каждая фигура – то ли древний воин, то ли забытая мечта. Где-то далеко ухнул филин, словно спрашивая:

– Хозяин? Ты?

Егерь машинально ответил:

– Я.

После долгих одиночных обходов разговаривать с лесом – всё равно что здороваться с соседом по лестничной клетке.

Непрошенных четвероногих он не боялся. Во-первых – запах дыма, а во-вторых – фонарь был с хитрой сигналкой, сделанной профессором: радарно-лидарный модуль раз в секунду сканировал окрестности и поднимал тревогу при движении крупных объектов в радиусе тридцати и более метров. Ещё он реагировал на осадки, но тут уж профессор развел руками – что смог сделать «на коленке» тому и рад. Скажи мол еще спасибо, что в лидаре перепаял диод на китайский десятиваттный «булл стар», а иначе бы фонарик тревогу поднимал лишь когда мишка уже тебя из спальника выковыривал. Потом, правда, помолчал и добавил, что сейсмический датчик решил бы проблему, но пока его так и не сделал.

На протезе скакать по камням было несподручно, а в избушку надо было завезти дров и продуктов на три-четыре ночевки. Засыпая, Михалыч обдумывал, получится ли подняться на «костотрясе» по осыпи или нет. Уснул с надеждой.

Новый день надежды его оправдал, и сейчас под навесом хрюкал тот самый «костотряс» – внедорожный монстр, собранный из мотоцикла «Урал», пары самодельных колес и наглой веры в то, что железо умеет плавать в болоте. Егерь хлопнул по баку:

– Ну что, дед, покатим?

Ответом было лёгкое «дзынь» – будто кто-то за кулисами натянул струну и дал первую ноту. Егерь втянул вольный воздух, за которым уже тянулся первый намек на постоянный снег, перекрестился по-таежному – на четыре стороны света – и тронулся в путь.

Доехав до устья ручья, где валуны ушли в торф, егерь повернул вдоль кромки болота. Сначала дорога шла сухая: жёлтые кочки торчали из черной земли, как проволочные щётки. «Костотряс» тарахтел, но держал ритм: уральский мотор, битый временем, нашёл общий язык с глушью и в который раз спорил с ней, кто громче. Под шлемом Михалыча в такт мотору спо-

рили мысли: сколько рябчиков, сколько заячьих бросков, какой медведь вышел к подкормке, как там медведица из кедровой рощи? А ещё держать путь по болоту – дело тонкое, почти музыкальное: ошибется солист – и дирижер, то есть лес, крикнет разок да утянет тебя на «бис» без права отказа.

За следующим ручьём, больше похожим на небольшую речку, дорогу смазал туман. Воздух стал густым, липким, будто его варили из последней росы этого лета. Тёмная лента воды грозила затянуть «костотряс» в ледяную бездну. Егерь переключил передачу, поддал газу, и железный дед шлёпнул колёсами в черную жижу. Брызги поймали луч уходящего солнца: на мгновение мир стал золотым фонтаном, как в наивных детских книжках, где на каждой странице – счастье, пока не прочитаешь до конца.

Выбравшись из речных объятий, он остановился, чтобы дать мотору остыть и себе – догнать дыхание. Дальше начиналось болото. Здесь оно лежало выпуклой звездой: лучи-промоины, пятна-омбилики из чёрной трясины, а между ними бзы – крепкие, будто островки здравого смысла. Михалыч одернул воротник. Тут главное – не дать машине задуматься о тяжести собственного бытия. Газ до отказа, и «костотряс» пошёл, как рубака на тонком льду: грохочет, но держится. Баллоны низкого давления хлюпали, словно выдувая из трясины застарелую гниль.

На середине болота затрещала шестерня. Стоило сбавить обороты до холостого хода, как мотор совсем заглох. Егерь соскочил в мокрый холод, встал на колени, открыл кожух. Руки чернели маслом. Болото равнодушно булькало: мол, спеши, пока я не решило, что ты мне нужнее на дне. Шумела шестерня газораспределительного механизма. Быстро нашелся виновник – болт, что раскрутился от вибрации. На пересечёнке мотор попадал в низкочастотный резонанс, на старых движках гровер разминал алюминий – и преднатяг падал. Подтянул гаечным ключом, прикусил губу, чтобы не браниться слишком громко – в таких местах любое грубое слово имеет привычку материализоваться. Осторожно, на первой передаче, вытянул машину из торфяного киселя. Потом ещё пришлось растереть конечности и размяться – уж больно промозглой была болотная жижа.

Перед тем как тронуться в путь, Михалыч бросил быстрый взгляд на небо. Солнце опустилось в дыру между облаками, где его тут же «съели» серые тучи. Пахнуло сырой хвоей с лесистого склона. Приближался ранний и унылый октябрьский вечер. Прикинув время, егерь решил не петлять по кромке болота, а срезать напрямую: так до Селищенской балки получалось всего с пяток километров. Он развернул машину и на пределе возможного рванул в сгущавшиеся сумерки.

До знакомой хуторской дороги оставалось всего ничего, когда по глазам вдруг резанула яркая короткая вспышка. Михалыч одним движением выключил двигатель, спрыгнул и пригнулся, коснувшись пальцами земли – забитые на подкорку рефлексy никуда не делись. Долгие три секунды спустя долетел отголосок резкого хлопка. Со стороны было похоже на прилет тяжелого артиллерийского снаряда, но повторов, как бывало при обстреле, не наблюдалось: лишь в направлении взрыва поднимался столб дыма и пара. Но уж очень необычной была вспышка, не «снарядная»! Когда в глазах перестали прыгать «зайчики», Михалыч снова изменил курс, включил дальний свет и помчался к месту происшествия.

Егерь проехал всего полкилометра, как его внимание привлёк довольно большой островок, на котором мерцали огоньки явно не природного происхождения. Стоило ему приблизиться к островку, как навстречу «костотрясу» выскочил человек в бесформенной робе и отчаянно замахал руками, призывая остановиться. Егерь спрыгнул, перехватывая поудобнее карабин, щелкнул предохранитель. Однако человек сам торопливо подошёл поближе и стянул защитный капюшон с маской. Михалыч облегчённо выдохнул: перед ним стоял профессор Лакенштейн собственной персоной.

Егерь коротко мазнул фонарем по лицу собеседника: профессор смотрел на него немного шалыми глазами, на правой скуле наливался заметный синяк.

– Александр Соломонович, вы в порядке? Что тут происходит? – спросил он, кивая на столб дыма.

– Ничего экстраординарного, – привычной стариковской скороговоркой ответил учёный. – Всего лишь ртутный игнитрон с двумя миллиграммами водорода. Проверка научной гипотезы.

– Два миллиграмма? – усмехнулся егерь. – А я бы предположил килограмм двадцать-тридцать в тротиловом!

– Вы, натурально, меня не поняли, Иван Михайлович! – профессор посмотрел на какой-то прибор, изредка попискивающий. – Так... ммм... фон в норме, всё в порядке. Так о чём я? Ах да! В этих местах изменена сама суть нашего мира!

– В каких таких? – удивлённо спросил егерь, хотя в голове его уже зашевелились нехошие подозрения.

– Ну, я же рассказывал вам! На болоте периодически появляются странные места с аномальной температурой. Их видно в тепловизионные камеры. Я думал сначала – выход каких-то газов. Но, посмотрев снимки новым комплексом, – он гордо указал на футуристическую конструкцию, водружённую на треноге, – я увидел, что они имеют форму кольца.

– Кольца?

– Да. Бублика! Висит такой вот бублик над болотом и всё время вращается в разных направлениях. Я их назвал «Аномальные кольца Лазарева».

– А почему же не Лахенштейна? – егерь всё больше укреплялся в своих подозрениях.

– Меня эти ретрограды не примут, – профессор махнул рукой, облачённой в защитную перчатку. – А профессор Лазарев был моим наставником. У него бездари и тунеядцы отобрали кафедру, он умер в нищете, но я клянусь, что верну ему имя! Может я где-то я перехожу границы, но... —он вдруг задумался, скинул перчатку и аккуратно, не касаясь внешней поверхности комбинезона, выудил из-за воротника продолговатый футляр.

Сбросив вторую перчатку, он вытащил из футляра старенькие очки с дужками, перемотанными проклеенными нитками. Очки были явно не его. Одно стекло было треснувшим.

– Эх... – горестно заметил профессор. – Его очки... упал, когда волной накрыло...

– Так что ж так сильно бабахнуло-то? – ненавязчиво продолжил егерь. – Хорошо, если я один слышал, а то вопросы могут появиться.

– Смотрите, я использовал игнитрон – это газовый выпрямитель такой, с ртутными парами внутри. Но для контроля спектра я добавил водород. Так вот, спектр отличается от обычного! Сначала поплыли линии Бальмера. Потом и другие серии сначала стали более узкими и четкими, а потом... потом, – профессор весь трясся от переполнявших чувств, – потом они размазались в непрерывную линию!

– А так вообще бывает? – спросил егерь и вспомнил слова Тары.

– Нет. Нет! Никогда! Это противоречит структуре атома. Как минимум, там нарушена константа электромагнитного взаимодействия, а, судя по эффекту... Электромагнетизм – ладно, но там и константа сильного взаимодействия похоже изменена!

– И-и... почему такие выводы?

– Потому что вы увидели, Иван Михайлович, ничто иное, как термоядерный взрыв. Взрыв всего двух миллиграммов обычного водорода в условиях обычной ртутной лампы. Причём газ перешел в условия альтернативной физики постепенно: спектр менялся плавно, в течение нескольких часов. Моя гипотеза такова: можно поймать момент, когда реакция пойдёт управляемо. Извлечь колбу, когда «трансформация» ещё не зашла слишком далеко. Вы понимаете, что это значит?

– Пока лишь смутно.

– Это прорыв в энергетике, Иван Михайлович! Прорыв, сравнимый с открытием ядерной энергии в принципе!

– Да уж... – крикнул егерь.

В его голове огненной жилкой запульсировала мысль: «Известить Тару! Как? Когда? Какой ценой?» И Анима, как назло куда-то запропастилась. Но мысль-мыслью, а ответов на этот вопрос пока не было. И место для аномалии было знакомым: именно здесь открывался портал, через который унесли роженицу в родной мир, и через который ушла Тара... милая Тара... Но приходилось отчаянно играть роль туповатого солдафона.

– Что с радиацией? – задал Михалыч самый понятный ему в этой ситуации вопрос.

– Пока превышения фона нет, – профессор снова бросил взгляд на тот же попискивающий прибор. – Э-э... Иван Михайлович, если не в тягость, во сколько вы оценили эквивалент взрыва?

– Килограмм в тридцать, если в тротиле.

– Полная энергия двух миллиграммов... э-э... около трёхсот килограммов тротила, если по гелиевому пути... Прекрасно! Значит, в реакцию ушла лишь десятая часть. Остальное вытолкнуло наружу, не успев «попасть» в аномальный режим.

Егерь ошарашенно выслушал этот монолог. Мысленно выматерился, забористо и многоэтажно, но вслух сказал:

– Хрена се... Александр Соломонович, еп... вы это... аккуратнее бы как-то...

– Не беспокойтесь ни в коем случае! – замахал на него руками профессор. – Я стараюсь не повторять ошибок! Кто ж знал, что на нашей старушке Земле возможно такое! Всего ведь шестьдесят киловольт с конденсатора – должно было только спектр подсветить, а зажгло термомояд! И вообще... ведь «аномального водорода» раньше не наблюдалось, а значит... значит, газ вне аномалии должен постепенно вернуться к обычной физике. Всё логично! Теперь только опыты с микроскопическими лампами и внешней холодной ионизацией.

– Но нах... то есть зачем, Александр Соломонович? – егерь еле сдерживался. – Нам и так стоит подумать, как отбрёхиваться! Ваш «аномальный водород» скорее всего уже запеленговали в МЧС. У нас максимум день, пока дойдет «бюрократия».

– Спишем на болотные газы, – снова отмахнулся профессор. – Вряд ли кому-то в голову придёт измерять гамма- и нейтронный фон на болоте. Та-ак... так... М-да... Мох конечно лучше ободрать вокруг, но заметно будет... М-м-м... А, черт с ним, со мхом, надо же сделать замеры у обломков колбы! – и он, ловко надев перчатки, с далеко не старческой прытью рванул в темноту, подсвечивая себе мощным фонарем и на ходу натягивая защитную маску.

Егерь несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Легкий порыв ночного ветра донес запах озона, потом потянуло тяжёлым торфяным дымом с резким «ароматом» гумуса. Вспомнив про радиацию, Михалыч резко выдохнул и, прикрыв рот и нос рукавом свитера, бросился к «костотрясу» за респиратором.

Профессор вернулся довольно скоро, размахивая портативным прибором.

– Ну вот, я был прав, – радостно поведал он. – Превышение фона – не более тридцати процентов. Короткое время облучения, большая дальность... Логично! Скорее всего – ртуть сто девяносто седьмая или двести третья, – он задумчиво попытался почесать затылок, но мешал защитный капюшон. – Иван Михайлович, если не в тягость, полейте меня водой во-он из той канистры, там еще душ аккумуляторный. А то бета-активная грязь все же. И накидка с респиратором там же, наденьте обязательно!

– Вы что, ждали кого-то?

– Нет конечно! Но на всякий случай надо запас иметь...

Некоторое время заняла экспресс-деактивация.

– Ладно, давайте уж на ночёвку устраиваться, – уже спокойным голосом сказал Михалыч, когда закончили. – Всё равно ваше оборудование с кондачка не собрать.

– Дело, дело говорите, любезнейший Иван Михайлович! – профессор потёр руки и снова покосился на радиометр – тот лишь редко попискивал, ловя «гостей» из глубины Вселенной. – У меня отличный чай припасён. С ромом! Специально для таких экстраординарных случаев.

– Давайте уж ваш ром без чая, – криво усмехнулся егерь. – Говорят, от радиации помогает...

– Момент вполне подходящий, скажу я вам!

Минут через двадцать профессор спал сном праведника, подложив под голову дозиметр, а Михалыч всё крутил в голове варианты дальнейших событий и думал, как уговорить фанатика-учёного, не сдавая его с потрохами федералам и не прибегая к явному членовредительству. Никакого «дня-другого» у них не было: если взрыв заметили, то очень скоро придет «тревожка» из МЧС с запросами вроде «Зафиксирован хлопок по указанным координатам. Требуется рапорт.» Может прилететь дрон, а то и вовсе вертолет – тут уже надо хорошо подумать, что, кому и как подавать!

Да еще этот чертов «ихнийтрон» профессора! Сам факт вскрытой в лесу колбы с активной ртутью – это «опасность первого класса», экологический инцидент Профильной прокуратуре не составит труда «припаять» ему 254-ю статью за «нарушение обращения с опасными отходами». И это если не брать в расчет термоядерную детонацию! Там статьи и сроки другие совсем...

Набросав в уме несколько вариантов, егерь начал действовать. Профессора накрыл покрывалом-«Самоспасом» в расчете снизить видимость в тепловизор. Генератор остановил и забросал мокрым мхом, тоже самое сделал и с измерительным комплексом, предварительно обернув его полиэтиленом и положив набок. На краю сознания мелькнула мысль: «а не военная ли разработка?» Уж больно прочным выглядел корпус этого «НАК-700», а еще объективы утоплены, все формы зализаны... Как вообще провезли всю эту кучу железа через полстраны «под честное слово»? Не верилось Михалычу: «гайцы» любят габаритные грузы, да еще без накладных... Может у Краузе был какой-то документ-«вездеход»? Тогда ситуация в краткосрочной перспективе выглядела хоть сколько-то обнадеживающей. А вот дальше – только гадать...

Разбираться было некогда. Себе он оборудовал позицию на краю островка, приготовил второй «самоспас», закиданный сверху торфом и мхом, и занялся обработкой культи, чтобы не уснуть.

Тем временем воронка постепенно наполнялась водой, которая слегка дымилась и на удивление быстро покрывалась ледяной коркой. Звезды, отражающиеся в ней, почему-то вращались быстрее, чем на небе и... в другую сторону. Казалось, будто не яму затягивает водой, а небо втягивает трясинкой, но этого уже никто не видел.

*

«Суперкам» появился часа через два после хлопка, когда егерь уже начал подремывать. Дрон летел по прямой, но значительно севернее. Михалыч внимательно следил за ним в тепловизор, решив стрелять с глушителем, если уродливое «крыло» приблизится метров на триста.

В голове его шелкали цифры. Удар в 30 кг эквивалента на болоте должен дать примерно 2 балла локальной сейсмостанции РАН. Если брать не по нормативам МЧС, а по максимуму, то звонок от ЦО УГМС – это минут двадцать, «тревожка» – ещё минут двадцать пять. Таким образом первое окно – сорок пять минут с учетом всех «человеческих» реалий, и дрон должен был появиться самое позднее через час. Значит или техник нажрался, или, что вероятнее, машину запустили из соседнего района, ибо в Кромске с оснащением МЧС все было печально.

Дрон тем временем начал барражировать, постепенно забирая все севернее и севернее, пока не выработал аккумуляторы и не вернулся на базу.

Егерь облегченно выдохнул, но позицию не покинул и оказался прав: разведчик прилетал еще дважды, но второй и третий разы прошел еще дальше – в ту сторону, где Михалыч вчера делал обход.

Егерь злорадно усмехнулся, представив как оператор нарезает круги вокруг неостывшей печки в лабазе и... продолжил лежать до самого рассвета, периодически поливая торф поверх самоспаса холодной водой. Но больше их никто не побеспокоил: то ли кто-то помог, то ли станции триангулировали хлопок с большой погрешностью – уж больно велико было Ядрово болото.

К утру начало саднить запястье на левой руке. Осмотрев его при рассеянном свете кемпинговой лампы, Михалыч увидел, что кожа потемнела, как от йода, пошли пузырьки. Мысленно обругав который раз профессора, егерь бросился к заветной канистре, где еще оставался примитивный дезактивационный раствор – обычная сода, четыре чайных ложки на литр...

– Два-ноль, два-четыре, – бормотал он отчаянно намыывая открытые места кожи и ежась от холода. – Старый дятел... Не предполагал он ничего такого... А дезактивацию нахрена заготовил? А второй комплект химзащиты... Может сынок его где-то поблизости? Ох, будет о чем поговорить!

Припомнив что-то из курса РХБЗ, который давали на учениях, егерь с облегчением отметил, что ни головокружения с тошнотой, ни кашля с металлическим привкусом у него нет. Смазывая пантенолом ожог, он решил будить ученого: следовало как можно быстрее сворачивать лагерь, пока на Беленький не нагрянуло МЧС.

Идя к месту лежки профессора, Михалыч криво усмехнулся своим мыслям: список нарушенных статей разных кодексов продолжал неумолимо множиться.

Ко всем неприятностям в придачу заныла культя. Обычно такое бывало перед снегопадом или долгой непогодой – всегда ныла, словно помнила оставленную в мариупольских развалинах голень.

Для себя после дембеля он уже давно решил, что живет «в кредит». Вспомнился Мариуполь. Многоэтажки, из которых враг не выпускал мирных, чтобы защититься от артобстрелов. Люди голодали, болели и умирали. Погибших гражданских хоронили в траншеях, вырытых на детских площадках – чтобы избежать эпидемии. Он тогда был в отряде «тяжелых» снайперов, носил позывной «Щелкун» и прореживал младший «европейский» комсостав с методичностью метронома. В тот день, не в силах подавить снайпера стрелковой, по дому, где он сидел, выпустили противотанковую ракету. Позицию давно следовало сменить, но был приказ: прикрывать конвой с «мирняком»! Он отправил помощника, ефрейтора Пампашкина, «с донесением», и сам успел отойти... почти успел.

Лежа, с раздробленной голенью намертво придавленной обрушившимся лестничным пролетом он хотел лишь выжить: на зло врагам, на радость сыну с дочкой и просто из принципа. Потом, перетянувшись двумя жгутами и обколовшись тримеперидином (в народе – промедол), он резал кровавые лохмотья погнутом ножом со звериной надеждой: «а вдруг сохранят колено»? После были израсходованный запас хитозана, кривая повязка на культя и попытка выползти из развалин, таща за собой покореженную «Астарту». Да-да, тот самый снайперский комплекс МЦ-572, который официально будет представлен общественности лишь год спустя. Никак нельзя было его оставлять! Он тогда не дополз – потерял сознание. Вытащил его Живчик, человек с феноменальной выносливостью, бывший профессиональный боец ММА. А вот прихватить оружие Живчик уже не смог – сразу не нашел и сделал выбор в пользу спасения товарища. Когда вернулись за «Астартой» – дом уже обрушился совсем, и винтовку завалило щебнем – не нашли. В итоге на Живчика повесили гигантский штраф, и он, нажравшись в хлам, в пьяном угаре орал, что «набьет Щелкуну морду, и херли теперь кого из раненых будет спасать». Набить не получилось, спасать тоже – Живчик погиб неделю спустя при забросе тяжелой мины в очередное укрытие врага: оступился при отходе и сломал ногу. Взрывом накрыло и его.

Когда Михалычу рассказали о гибели Живчика, он и дал себе зарок: никогда больше не оставаться крайним. Любой ценой.

И война так никуда и не делась! Нельзя стать «бывшим парнем из преисподней». Максимум – оставить в аду часть себя. Ту, что считала рутиной насильственную, а то и мучительную, смерть. А как оставишь, если по факту вот оно – новое противостояние. Оба сейчас ходим по грани оказаться вне закона. Перейдешь – и все: либо ты крайний и в тюрьме, либо труп, если решишь силой доказать свою правоту. В голове егеря, впервые с ухода Тары, возник образ портала с чарующе прекрасным летним пейзажем на фоне окружающей октябрьской болотной грязи.

Михалыч не удержался – достал из-за пазухи тетрадь и быстро дописал: «Тара! Война – это люди + выжить. Кровь, говно, ин. – подвиг. Лес держится! А я?»

Профессор долго не хотел будиться, даже когда, отчаявшись, Михалыч дал ему легкого пинка под ребра. Он лишь задергался, закашлялся, подскочил с закрытыми глазами, пробормотав:

– Вот же беда кака... чуть не зажарил всех... Дмитрий Иван... ныч... – и плюхнулся обратно, при этом изрядно треснувшись затылком об дозиметр, который еще вчера положил под голову.

Далее последовал совсем «неинтеллигентный» пассаж, после которого Лакенштейн открыл глаза и резко сел.

– Какой фон? Какая обстановка? – вытаращился он на Михалыча.

– Херовая обстановка, и фон не лучше! – сплюнул егерь, но потом вспомнил, что перед ним человек, годящийся в отцы. – Вы в порядке, профессор?

– Да-да... более-менее... голова только...

– Только что?

– Кружится немного...

– Где ваш вездеход? И где грузовой дрон?

– Все здесь... под массс... саск... под сетью, – он махнул рукой в сторону южной оконечности островка, куда егерь ночью не успел заглянуть. – Вы меня на экскурсию сюда приводили что ли? – уставился он на Михалыча стеклянными глазами.

Егерь посветил фонариком Лакенштейну в лицо – зрачки реагировали, но левый был вдвое меньше правого.

– Запомните шесть слов? Пальцем в нос попадете? Посчитайте от десяти до одного, – быстро начал спрашивать Михалыч.

Лакенштейн отвечал с задержкой, но правильно.

– Посмотрите до конца влево... вправо.

В крайних положениях глаза дрожали. Нистагмы. Контузия скорее всего.

– Профессор, идти можете? Сможете сесть за руль?

Тот утвердительно кивнул, встал и... тут же сел, только не за руль, а просто плюхнулся обратно в мох.

Следующий час прошел для Михалыча словно в аду. Профессор смог управлять гусеничным грузовым дроном с пульта, и оборудование удалось худо-бедно собрать в одном месте. Потом егерь попытался смотать непонятный тонкий кабель, уходящий к месту ЧП, но тот не поддавался. Пришлось одевать химзащиту и тащиться вместе с катушкой несколько сотен метров, наворачивая на нее непокорную серую жилу. Под конец кабель пошел легче, но, смотав его полностью, егерь только выругался: на конце кабеля оказался сломанный разъем, который явно был куда-то вставлен. И это «куда-то» еще валялось «где-то» во мху. После десяти минут поисков он натолкнулся на кабель посерьезнее, который с одной стороны оказался обожжен и расплавлен, а другой был вставлен в непонятную конструкцию, сильно пострадавшую от

взрыва. Конструкция оказалась тяжелой, и пришлось просить профессора по радиации гнать сюда гусеничный дрон. Зато обратно с комфортом доехал.

В довершение всего Лахенштейн все же уселся за руль мощной болотной «хонды», но слишком резко дал газ. Вездеход, утробно ухнув, рванул с места в карьер и врезался в чахлую елочку, вывернув ее с корнем. Профессор перелетел через руль и пьяной жабой плюхнулся на сфагновый ковер. Михалыч опрометью бросился к нему, однако оказалось, что товарищ по несчастью свой лимит невезения пока исчерпал – новых травм не было, но, при попытке встать, профессора вырвало – мучительно и страшно.

Пришлось бросить «костотряс» и пересест на «хонду», привязав совсем поплывшего профессора к себе веревкой. Дрон, следуя программе, поплелся вслед за ними на хутор. Дома профессору стало чуть лучше, но дело однозначно пахло больницей. Однако на болоте, совсем рядом с местом ЧП, стоял егерский вездеход. Михалыч думал было использовать дрон, но индикатор аккумуляторов опасно помигивал красным. Оставалось гнать на «хонде» и тащить «костотряс» на буксире.

Вернувшись на хутор, егерь обнаружил профессора без сознания, лежащим прямо на улице поперек колеи в полуметре от огромной лужи. Бросив оба вездехода, он схватил злополучного Лахенштейна под микитки, затащил в «Ниву», и, что есть духу погнал в «КГБ», как местные величали Кромскую городскую больницу. Легенда трещала по швам, но тут помощь пришла буквально с неба. Сначала показались редкие белые «мухи», и очень скоро повалил самый настоящий первый снег. Он укутывал белым пуховым ковром термоядерную воронку, кочки на болоте, колею на дороге, крыши хуторских изб и даже сиротливо стоящий во дворе неразгруженный дрон, глупо мигающий красным огоньком индикатора. Природа, словно рефери в боксе, разводила поединщиков по углам, давая шанс подумать над происходящим.

Оставалось довести живым профессора.

*

На Богородской развилке удача опять отвернулась от егеря: ему разом попались на дороге казачий разъезд и «уазик» МЧС. Все направлялись в сторону Бельенского.

«Уазик» коротко посигналил, призывая остановиться, а казаки поскакали дальше, лишь есаул приветственно помахал егерю.

Михалыч остановился, опустил стекло и встретился взглядом со старлеем спасателей.

– Добрый день, старший лейтенант Потапенко. Судя по номерам – вы местный егерь?

– Он самый, – сухо ответил Михалыч. – Старлей, ты извини – сосед с вездехода улетел. Без сознания. Спешу очень.

– Не вопрос. Хлопок слышал?

– Да. Был на обходе. Впотымах не нашел. Ща вернусь и присоединюсь к вам.

– На что похоже хоть?

– Походу метеорит. Хлопнуло не так уж сильно.

– Добро. Ждем!

Каждый поехал в свою сторону. Налегая на руль безо всякого гидроусилителя, Михалыч бешено крутил в голове ситуацию. Сейчас найдут воронку, сделают замеры. Если будет фон, то беда: сюда пол-области съедется. Даже если не удастся сразу связать напрямую хлопок и двух бедолаг с Бельенского – вопросов будет немало. А «НАК-700»? А генератор? Дрон, в конце концов... Ничего этого по документам на хуторе быть не должно, но главное – чтобы профессор не ляпнул лишнего! Довести бы его сперва...

Профессора он довез. Когда Лахенштейна увезли на каталке, Михалыч присел на скамеечке около пандуса и набрал номер своего закадычного друга.

Трубку взяли после четвертого гудка.

– Чего тебе, старый хрыч? – голос Михаила Ивановича звучал устало, но доброжелательно.

– Ты в больнице? Выйдешь покурить?

– Я бросил.

– Я тоже. Выходи, подлый трус!

Доктор появился минут через пять.

– Пересменка скоро, говори по делу, – устало выпалил он.

– Иваныч, у меня тут профессор один... Лахенштейн. Сейчас к вам привезли. С везе-
хода грохнулся.

– Ага, слышал. Сотрясение средней тяжести, возможно контузия. А что?

Михалыч помолчал, подбирая слова.

– Слушай, передай ему, когда очухается... Пусть помнит только, как за руль сел и шмяк-
нулся. Больше ничего. Понял?

На секунду повисла тишина. Потом Михаил Иваныч вздохнул:

– Михалыч, ты опять во что-то влез?

– Потом расскажу. Сможешь?

– Смогу. Но ты мне должен.

– Как всегда. Самойлов приезжал уже?

– Нет. Сегодня вроде не его смена. Если приедет, то кто-то другой.

– Уже лучше...

– И Михалыч... Ты бы поаккуратнее там. Мне твоя тушка в морге без радости будет.

Егерь усмехнулся и вздохнул. Иваныч не воевал, но чуял все с полуслова.

Обратная дорога заняла сорок минут. Снег валил уже всерьез, превращая грунтовку в кашу. На подъезде к Селищенской балке Михалыч увидел знакомый «уазик» МЧС и лошадей казаков, привязанных к соснам. Есаул Крымов курил у машины, разговаривая с Потапенко.

– А, егерь! – окликнул старлей. – Как твой сосед?

– Сотряс поймал. Оставил в больнице.

– Ясно. Слушай, тут странности какие-то. Метеорит твой не нашли. И вообще ничего не нашли.

Михалыч изобразил удивление:

– Как так? Хлопок-то был знатный.

– Вот и я о том, – Потапенко почесал затылок. – Пойдем, покажу.

Они двинулись по болоту. Казаки прочесывали местность цепью, втыкая в мох длинные шупы. Снег уже припорошил кочки, делая ландшафт монотонно-белым.

– Вот сюда триангуляция указывает, – старлей махнул рукой на участок болота. – Но ни воронки, ни следов взрыва. Даже мох не примят.

Михалыч внимательно осматривался. Действительно – ничего. Словно и не было ночного кошмара. Он двинулся чуть южнее, туда, где профессор врезался в елку.

Елочка оказалась на месте. Лежала, вывернутая с корнем, припорошенная снегом. Но что-то было не так. Михалыч подошел ближе и присел на корточки.

Макушка дерева торчала прямо из комля, из идеально ровного среза. Никаких следов пилы, никаких опилок. Будто кусок елки вырезали идеально острым скальпелем.

– Эй, Михалыч! – окликнул его Крымов. – Гляди-ка сюда!

Егерь подошел к есаулу. Тот показывал на торф. По мху, еще проглядывавшему из-под снега, тянулась идеально прямая линия – тонкая, как лезвие бритвы. Она уходила вдаль метров на пятьсот и обрывалась.

– Что за чертовщина? – пробормотал Потапенко, присевший рядом.

– Молния шаровая, может? – предположил Михалыч. – Они иногда чудеса творят.

Старлей покачал головой:

– Не похоже. Тут будто... ножом резанули. Только ножом в полкилометра длиной. А гул я один слышу?

– Не один, – мотнул головой егерь.

В ушах и правда стоял глухой размеренный рокот, словно под землей ковал сказочный меч кузнец-исполин.

– Слышь, Анатолий Потапыч, – обратился егерь к Крымову. – А от полиции был кто-то? Есаул крикнул и погладил усы.

– Да был этот... (неразборчиво-непечатно)... майор Самойлов. Приехал, покрутился и свалил.

Искали до темноты. Ничего не нашли. Фон был в норме, следов опасной «химии» в воздухе не обнаружили, а копать болото под упавшим снежком можно было до «морковкина заговенья». Потапенко матерился, заполнял протоколы, злился на погоду и непонятные показания приборов. Для приличия подобрал несколько ошметков мха, показавшимися ему подозрительными. Казаки тоже ничего не нашли, только промокли и продрогли. Один вообще провалился в трясину и сидел сейчас в машине МЧС, согреваясь изнутри и снаружи.

*

К хутору егерь вернулся уже в сумерках и сразу посмурнел. У его дома стоял знакомый «уазик» с синими номерами. Майор Самойлов неспешно курил, разглядывая груженный дрон. «Недооценил мерзавца» – подумал Михалыч.

– Добрый вечер, товарищ егерь, – голос майора звучал обманчиво дружелюбно.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Интересная у вас техника. В лесном хозяйстве такие дроны используют?

– Профессора это. Он образцы собирает для исследований.

– Образцы? – Самойлов обошел дрон по кругу. – А это что за прибор?

– Не знаю. Я в его делах не разбираюсь.

Майор достал телефон, сфотографировал оборудование.

– Значит это, – он показал на дрон, – не ваше?

– Не мое.

– Но находится здесь с вашего позволения.

– Ильич, ты че, дело шьешь уже? – усмехнулся егерь, но в глазах его заплясали злые огоньки. – Его изба – частные владения. Моя изба – моя. Лесничеству принадлежат псарня, склады и ангар для техники. Тебе это прекрасно известно. Спроси у профессора.

– Спрошу. Обязательно спрошу, – майор сел в машину. – И знаешь что, Михалыч? Мне кажется, этот ваш хлопок на болоте – совсем не метеорит был. Но ничего, разберемся.

"Уазик" развернулся и укатил в сторону города. Михалыч проводил его взглядом и пошел в дом. Дверь была заперта, как он и оставил. Но что-то было не так. И запах не тот...

На кухонном столе лежала записка. Аккуратный почерк, черная гелевая ручка.

"Уважаемый Иван Михалыч!

За время вашего отсутствия мы взяли на себя смелость решить проблему с зарождающейся аномалией. Пришлось привлечь чистильщиков – ребята издалека, специализируются на топологической хирургии пространства Минковского. Они просто вырезали проблемный участок пространства-времени и утилизировали. След, который вы наверняка заметили – это шов. Через пару дней затянется и исчезнет.

Место для перехода стало неподходящим. Новая точка – устье камовой россыпи у Северной Заимки, которую вы ремонтировали накануне известных событий. Время прежнее. Примите это к сведению.

Письмо уничтожьте.

P.S. Профессор почти перешел грань. Он едва не пробил дыру между мирами кустарным термоядом. В зонах перехода какое-то время ткань пространства тонкая, как марля. Удержите

его от совсем уж идиотских поступков, а то в следующий раз чистильщики могут вырезать кусок побольше. Вместе с хутором.

П.»

Михалыч перечитал записку дважды и сжег. Потом полез проверять запись с камеры.

На экране ноутбука ясно было видно, как из кладовки выходит человек в джинсах и черной толстовке с капюшоном. Лица не разглядеть – на нем зеркальная маска, отражающая комнату. На руках – перчатки. До боли знакомая фигура подходит к столу, пишет что-то, оглядывается и возвращается в кладовку.

Егерь встал, взял фонарик и пошел к кладовой. Дернул дверь – заперто. Открыл ключом, посветил внутрь. Грабли, лопаты, старый брезент, канистры. И холод. Морозный воздух, какого в протопленном доме быть не должно. И запах озона.

Михалыч закрыл кладовку и вернулся на кухню. Достал из холодильника водку, налил полстакана и выпил залпом. Потом достал тетрадь, открыл на последней записи.

Дописал:

"Тара, я узнал, что есть Чистильщики. Вырезают куски мира. Путешественник ходит через мою кладовку. Майор Самойлов что-то знает. Профессор – идиот, но живой. Я – все еще в кредите. Но кредит растет.»

Закрыв тетрадь. За окном валил снег, превращая октябрьский вечер в полное подобие зимы. Где-то там, на болоте, затягивался шов между мирами. А здесь, на хуторе, продолжалась странная жизнь на границе реальности.

Михалыч вновь налил полстакана и задумался. В этот раз Путешественник успел привести помощь. Узнал ведь как-то... А сколько еще продержится эта зыбкая грань, прежде чем кто-нибудь – майор, профессор или он сам – не разрушат хрупкое равновесие окончательно?

Глава 4

1 ноября 2026, трасса Р-404, между Тобольском и Тюменью

По трассе, в сторону Тюмени, неспешно ехал УАЗ «Патриот». Бесконечная асфальтовая лента о двух полосах тянулась через леса, поля и болота – из ниоткуда в никуда. За рулем обретался майор Самойлов. Его обуревали решимость и целое сонмище сомнений. Он ехал встречать Тамару в аэропорт, и одновременно обдумывал планы на будущее. Для себя он уже все решил – делает Тамаре предложение, и будь, что будет. В нагрудном кармане слева даже был припасен плоский футляр, в котором лежало золотое колечко с небольшим бриллиантом. Когда Самойлов выбирал его, то чувствовал себя не в своей тарелке. До сих пор женщины в его жизни занимали достаточно прагматичную позицию, но после недавних событий Максим понял, что пора бы остепениться. У всего есть цена, и сейчас майор был готов платить.

Для каждого мужчины наступает в жизни момент, когда он вдруг понимает, что боевая форма не вечна. Рано или поздно годы свое возьмут, и вот тогда-то остро встанет вопрос верного тыла. Цинично? Да. Но для майора цинизм давно стал нормой жизни. В полиции бывает и такое: пьют всю ночь два капитана, душевно спорят, философски мыслят – а утром один идет на повышение, а другой вылетает из органов без права пенсии.

Вокруг царилась ночь. Черной была дорога, черной была окружающая тайга, черным было небо, затянутое низкими осенними тучами. Порою в облаках попадались разрывы, и тогда над дорогой мелькали редкие и яркие в эту пору звезды. Иногда в стороне от дороги угадывалась водная гладь – Тобол иногда подступал к самой трассе, не говоря уж о бесчисленных его притоках – именованных и безымянных.

Майор на окружающие красоты не отвлекался. Мир для него заканчивался за пределами светлой полосы дороги, с трудом отвоеванной у ночи тюнингированным «ксеноном». Ехал он уже часа два, и еще оставалось примерно столько же. Вот объехал колдобину, вот мелькнул в свете фар косопалый, удивленно застывший на задних лапах у самой кромки леса. Майор прибавил газу, оставляя хозяина тайги позади, наедине со своими медвежьими мыслями – «пожрать» да «задрать». Может были и другие мысли, но Самойлову почему-то пришли в голову именно эти.

Из размышлений его вывело мерзкое дребезжание закрепленного на «торпедо» смартфона. Картинка навигатора сменилась индикатором звонка с неопределившимся номером. «Густав скорее всего».

– Помянешь черта... – в сердцах выругался майор, но вызов принял.

– Майор, ты куда пропал? Тебя там в тайге медведи не съели? – послышался недовольный голос собеседника.

– Все в порядке, товарищ Густав, – устало ответил Самойлов. – Еду по трассе среди тайги. Не везде ловит.

– Ты часом не в Тюмень собрался? Тамару встречаешь? – участливо поинтересовался визави.

– Так точно, – максимально нейтрально ответил майор. – Что-то случилось?

– Это хорошо, – резюмировал собеседник, проигнорировав вопрос. – Слушай задачу, Максим Ильич: встретишь свою Тамару, отвезешь домой, все, как обычно.

– Принято, – насторожился Самойлов. – А что тогда необычно?

– Внимательно смотри по сторонам. Детально запоминай все. Если будет не одна – смотри, с кем она приехала: внешность, манера поведения, голос. Ну, не мне тебя учить!

Майор секунду молчал. В разговоре с такими людьми главное – не спрашивать объяснений. В лучшем случае пошлют, куда Макар телят не гонял. А могут и объяснить! Только тогда

есть немалый шанс оказаться вовлеченным в чужую оперативную игру с неясным исходом. А поскольку игра не твоя, то и хорошего от нее ждать не приходится.

– Что мне нужно знать? – коротко спросил Самойлов.

– Главное – смотри. Смотри и запоминай. И еще: если вдруг увидишь что-то странное – не геройствуй. Ты понял, майор?

– Так точно товарищ ге... Густав! – на автомате отчеканил Самойлов.

– Вот и хорошо, – тон Густава по-отечески подобрел. – Никакого геройства и никакой самодеятельности! Только смотреть. По этому номеру не звони – никто не ответит. С тобой свяжутся. Уяснил?

– Так точно! Смотреть, запоминать, не звонить.

– Все, отбой!

И на экране смартфона снова выскочила картинка навигатора, где среди тайги «летела» по трассе иконка самолета МИГ—29. Самойлов длинно и нецензурно выругался. И что теперь? Впрочем, выбора особо и не было.

Вместе со стабильной связью стали попадаться населенные пункты. Иногда трасса проходила прямо через них, иногда это было просто зарево в стороне от дороги, но человеческое жилище встречалось все чаще и чаще. Тюмень была уже близко. Майор посмотрел на время и прибавил скорость.

*

Федеральный аэропорт «Рощино» располагался минутах в двадцати езды от Тюмени в западном направлении. Свернув с трассы на Окружную дорогу, Самойлов почувствовал что-то вроде дежавю. Почти сразу за следующей развязкой начиналась насыпь через Липовое озеро, которое вскоре переходило в Липовое болото. Справа от Окружной дороги областного центра потянулся до боли знакомый пейзаж из кочек, кустарников и редких чахлах деревьев. Таких озер и болот по левому берегу Тобола было неисчислимое множество, и все были похожи друг на друга, как оловянные солдатики, воспетые великим сказочником. Потом болото кончилось, сменившись городскими кварталами, которые, в свою очередь сменились новым болотом. Опять застройка, мост через Туру, и снова болото, пока наконец не показалась развязка на Ямскую. Сверкающий посадочными фарами авиалайнер лишний раз доказывал, что майор был уже близко к цели.

Полчаса спустя Самойлов прогуливался перед фронтоном из стекла и стали, над которыми сияли лазурью буквы «РОЩИНО». Борт из Адлера уже приземлился, и сейчас Тамара ожидала свой багаж. Майор неторопливо покуривал, по привычке рассматривая выходящих пассажиров. Были тут и одиночки, и пары с детьми, и совсем пожилые. Но почти все были загорелые, приехавшие с курорта и радостные.

Толпа на выходе была такой, какой она всегда бывает в аэропортах: плащи, пальто, детские колобки в комбинезонах, мужчины с широкими плечами, женщины с широкими планами на жизнь.

Майор задержал свой взгляд на весьма упитанной блондинке, неторопливой походкой направлявшейся к стоянке такси. Внимание Самойлова привлек ее чемодан: был он немаленьким и явно тяжелым. Сверху чемодана была прочно пришита текстильная роза кремового цвета – отличная примета, чтобы отличить свой багаж среди массы других.

Роза торчала боком и вела себя, как приличный маячок самолюбования: «Я – мой чемодан, мой чемодан – я».

Самойлов коротко усмехнулся. Розочки в наше время – эпидемия. Каждый предмет спешит обзавестись индивидуальностью, чтобы не затеряться в бесконечном потоке таких же. Но разница между индивидуальностью и брендом, как известно, невелика и крутится вокруг цены.

По привычке майор рассмотрел и хозяйку чемодана. Женщина была средних лет, мило-видна и весьма крупна телом. Погода сегодня была довольно теплой для октября, поэтому плащ у блондинки был не застегнут. Даже под тонким шерстяным свитером было заметно, что отпуск для нее не прошел даром: над ремешком брюк выпирала небольшая, но заметная складка, а в зоне декольте обозначился тоже весьма заметный валик. Женщина закурила, несколько раз с наслаждением затянувшись и, тяжело отдуваясь, покатила свой чемодан к подъехавшей машине. Майор проводил блондинку равнодушным взглядом и снова вернулся к созерцанию пассажиров.

Вот наконец в толпе мелькнуло такая знакомая фигура. Тамара Петровна Вихрач, главврач Кромской городской больницы собственной персоной. Демисезонное пальто, каштановые локоны, уверенная походка и взгляд хирурга, которым можно наверное накладывать швы без ниток. Тамара была не одна. Рядом с ней семенила крупная блондинка примерно тех же лет, что и Тамара.

Самойлов вновь поймал себя на дежавю: блондинка неувовимо напоминала ту, что только что прошла на стоянку такси. И чемодан был такой же – с нашитой сверху розой, только под другим углом. Были и отличия. Всякий человек не идеален: где-то морщинки, где-то усталый вид, где-то обрюзглость или иной изъян – что-нибудь да найдется. А спутница Тамары была идеальна в своей пышности. Вся словно состоящая из округлых форм, с весьма объемным животом, бюстом и кормой, но притом все было на вид упругим, подобранным и рельефным. Безупречно подогнана одежда: светлый брючный костюм сидел настолько плотно и выразительно, что образ был на грани фетиша размера «плюс». Так наверное выглядят ретушированные модели с обложки после профессионального стилиста-визажиста, но никак не простые смертные.

Блондинка и Тамара о чем-то оживленно беседовали по дороге, иногда смеялись. Майору пришлось почти заступить им дорогу, чтобы его заметили.

– Максим Ильич, здравствуйте, – как ни в чем не бывало сказала Тамара, и голос её был уставшим от тесноты самолёта и соседних кресел. – Это Неля. Она тоже врач. Диетолог. Живёт тут, в Тюмени. У неё тётка под Кромском, недалеко. Не возьмём ли попутчицу? Не бросать же родного человека на произвол маршруток.

– Возьмем, – сказал майор.

Густав говорил про спутников – спутники уже были. До этого розу тоже видел. Прямо как в шутке: целый день ни одного автобуса, а потом сразу два.

Они вышли на парковку. Майор сел за руль. Чемоданы отправились в багажник. Тамара скользнула на заднее сиденье, прижала к себе сумку – женскую бездну. Рядом, пыхтя как паровоз, пристроилась Неля. Майор смерял ее взглядом и подвинул переднее сиденье до упора вперед.

– Спасибо, Максим Ильич, – облегченно выдохнула спутница Тамары, довольно улыбаясь. – А то мне наверно одной только в автобусе не будет тесно...

Майору хотелось ответить, что мол «жрать меньше надо», но сдержался и выдал лишь дежурную улыбку.

Улицы около «Роцино» носили имена знаменитых авиаконструкторов: Ильюшина, Антонова, Туполева. По ним выехали на круговой перекресток, возле которого притулилась заправка. Путь был неблизкий, и майор залил не только полный бак, но и обе запасные канистры. Еще прикупил моторного масла – на всякий «пожарный».

Когда проехали развязку Окружной, и Тюмень осталась позади, Самойлов наконец разогнался. Он вёл машину и слушал, как мотор гудит ровно, словно хороший спирометр: вдох, выдох, вдох. Тамара что-то рассказывала. Неля вежливо молчала, иногда отвечала коротко – где какие цены на яйца, где тётка, где соседка в поликлинике, про общего знакомого ("ну такой алкаш"), про фестиваль «Гуси-лебеди» или как его там переименовали. Тамара на зад-

нем сиденье сначала говорила много, потом речь ее стала вялой, а после вдруг замолчала и стала смотреть в окно на проплывающую тайгу. Был уже шестой час, но из-за низкой облачности светало медленно, словно солнцу приходилось прокладывать себе дорогу через бескрайнее болото из туч.

И потянулась дорога. Тобольск проехали около десяти часов утра. Неля дремала, уронив голову на подголовник. Ее мирное похрапывание стойко ассоциировалось у майора с пушистой и раздобревшей домашней кошкой.

– Вам удобно? – не оборачиваясь, спросил наконец майор.

– Да, – сказала Тамара рассеянно. – Только... знаешь, у меня какое-то странное ощущение. Будто я... в Кромске. Не сегодня, а раньше. И ещё – будто я что-то делала. Три дня... – она прикусила губу. – Я же... уехала на курорт. И... задержалась.

– Бывает, – сказал майор. – Курорты – опасные места. Там всегда забываешь о графиках. Воздух такой.

– Я не про это, – голос её стал осторожным, как шаги босиком по стерне. – Словно там, в Кромске, эти три дня – будто не я, а всё равно я. Я помню звонки начальству, обходы, сестёр, температуру больных – даже спор с сестрой в приемном покое помню. А потом... – она запнулась. – Потом – гул. Тяжёлый, будто в самолете. Свет синеватый, всё сильно пахнет озоном и железом. Как палуба космического корабля... И стоит эта... – Тамара нащупала слово, как доктор щупает незнакомый орган. – Женщина-кошка. Рыжая. Огромная. В глазах – холод и мрак. И позади нее двое громил в доспехах и с оружием, ну прямо как из комиксов космических. Клыки у них – не то гориллы, не то медведи... И толпа... Военнопленные... То ли люди, то ли жабы прямоходящие... Один барагозить полез, и она... – Тамара сглотнула. – Стирает. Не убивает, а стирает. Он забывает все, становится как ребёнок. Такой же чистый и беспомощный. Его теперь заново учить даже ложку держать. Она говорит, что чем больше бунтарей, тем больше будет «нянек» среди оставшихся... Как это возможно?

Майор чуть плотнее взял руль. Это были отголоски не курорта, а того, кто любит работать над чужими биографиями. Он невольно вспомнил Василину, которую видел в Кромске, и которая потом оказалась не Василиной, а черт знает кем. У нее тоже были тяжёлые тени в глазах. Они всегда есть у тех, кто вынужден выбирать между «плохо» и «совсем плохо».

До Самойлова стало понемногу доходить, что хотел от него Густав. Все было просто: настоящая Тамара не могла знать про действия мимика, что несколько дней хозяйничал в больнице вместо нее. Значит, для снижения напряженности, кто-то должен был появиться, чтобы «выровнять» ее воспоминания. И похоже, что это уже сделали. «Прошляпил» – с досадой подумал Самойлов, философски посмотрев в зеркало на блондинку. Та безмятежно спала. Пышные длинные соломенные локоны волнистыми струями покрывали подголовник, верх сиденья и значительную часть внушительной груди.

– Сны, – неожиданно сказала Неля сочувственно и в то же время отвлечённо.

Она даже не открыла глаз, словно на мгновение вынырнула из объятий Морфея и страстно желала нырнуть поскорее обратно. В её голосе был очень аккуратный штамп сочувствия – как штемпель «годен» на приёмке.

– Перелёты, смена часовых, усталость. Мозг часто так делает: берёт чужое, добавляет своё. Иногда «раз» – и шедевр Ван-Гого. Но чаще – просто сны. Вот я однажды смотрю – а у себя дома как будто дверь на кухню открыта, хотя точно помню, что закрывала. И ведь знаю, что некому открыть было, а всё равно цепляет.

Майор прислушался к её голосу и отметил, что он идеален. Будто подобран по совокупности, как латте из хорошей кофейни, сваренный идеально настроенным роботом-баристой: полутона вежливости, нотка сочувствия, немного топинга сверху – для увода размышлений в сторону. Само напрашивалось слово «чужое». Выверенная точность хороша для хирурга или

часовщика; попутчику, севшему в твою машину случайным капризом судьбы, точность не к лицу.

– А в Тюмени-то у вас как? – спросил майор, вежливо, но с намеком. – Где работаете, Неля?

– В поликлинике, на Червишке, – ответила она, не моргнув. – Рядом сквер и торговый центр «Континент». Там половина города ходит – вы у любого спросите, скажут.

– Червишевский тракт... а это где? – продолжал майор. – Это между Войновкой и Центром? Или я путаю?

– Вы путаете, – сказала она почти ласково. – это ближе к восточному краю Калининского округа. На месте ТЦ раньше хлебокомбинат был. Потом его новосибирская группа выкупила и снесла.

Речь ее была была слишком мягкой и правильной, как по атласу.

Майор вздохнул. Он сильно не любил совпадения. Ведь излишняя правильность тоже выделялась, даже если изначально хотелось иного – как роза на чемодане. Но путь впереди был долгий, и время подумать имелось.

Уже недалеко от Кромска сделали очередную санитарную остановку. Возле трассы обрелась полоса хворых берёз да жестяной ларек у заправки, где продавали воду, энергетики и мягкие игрушки. Тамара, с выражением «ничего такого», вышла по нужде и исчезла за близкими кустами. В машине сразу стало тише.

– Не хотите размяться? – повернулся к пассажирке майор.

– Охотно, – потянулась своими формами Неля. – А то мне тесновато тут.

Она откинула волосы назад и выбралась из машины — мышцы под брючным костюмом играли неожиданно упруго, будто под тканью скрывался вовсе не мягкий жирок, а стальной корсет.

Самойлов щёлкнул зажигалкой, затянулся и начал картинно лениво разминать плечи. На деле он уже качал дыхание по методике Кадочникова — «втягивай живот, слушай пульс, считай удары»: способ быстро резко придать организму прицельную взрывную точность.

– Неля, – обронил он, будто просто поддерживал разговор, – с какого вы года в той поликлинике?

– Ой, это давняя история, – улыбнулась она, причем улыбка сидела на её круглом лице, как бантик на подарке – чуть криво, зато старательно. – С четвертого курса. Только начинала в другой больнице. У нас так: сначала туда, потом обратно, а в итоге весь год – как один день.

Ответ одновременно был и правильным, и безжизненным: словно аудиокнига, где фразу вырезали ножницами и вставили не туда. Майор даже не моргнул. Пальцы левой руки скользнули внутрь куртки — к тонкой жёсткой рукояти «Осы» М-09. Четыре резиновых 18-мм шарика с латунной пулькой-сердечником: не убьёт, но остановит.

– Понятно, – кивнул Самойлов и вдруг, всё таким же спокойным тоном, спросил:

– А когда в крайний раз видели на Ставропольской двести тридцать второй автобус?

– Двести тридцать второй?.. – она чуть запнулась.

Левый глаз моргнул, правый догнал. И только очень внимательный наблюдатель заметил, как вдоль шеи поднялась волна – будто под кожей прошёл импульс насоса.

Майор отшвырнул окуроч, шагнул ближе и вынул «Осу» не движением, а мышечной волной: так, что металлический щелчок почти слился со звуком гравия под сапогом.

– Руки перед собой, ладонями ко мне. Медленно.

Неля послушалась – удивлённо, с лёгкой усмешкой, будто соглашалась сыграть в давно забытый детский спектакль. Ладони развёрнуты, пальцы чуть расставлены. Блестящий маникюр – слишком хороший и утонченный.

– Хватит цирка, — процедил майор. — Кто ты?

– Я... — начала она, но вторая половина фразы захлебнулась потрескиванием: кожа на запястьях вспыхнула бледно-синим фосфором.

Неля успела посмотреть на него насмешливо, без злости, как человек, которого поймали за мелкой проделкой. Потом сработали оба. Майор шёл классикой – «ближняя рука контролирует ствол, дальняя прикрывает». Первым выстрелом «Оса» выплюнула резиновый шарик прямо в солнечное сплетение. С расстояния в метр это как удар бейсбольной битой. Атака должна была сложить любого, но «Нелю» только качнуло. За долю секунды до выстрела она неуловимым движением выписала «восьмерку» грудной клеткой – и вот уже пуля летит по касательной. Но все равно получить шарик из «Осы» было неприятно. У самого тела Нели вдруг обозначилась тонкая пленка, похожая на оболочку мыльного пузыря и повторявшая контуры тела. Ударившись об эту «пленку» шарик рассыпался в прах, который улетел рикошетом в сторону, не причинив «докторше» никакого вреда.

«Силовое поле!» – с тоской успел подумать майор.

В тот же миг последовал неуклюжий, но быстрый, «лягушачий», прыжок вперед, и ладонь Нели, неестественно изогнувшись, хлопнула майора по предплечью — не сильнее дружеского шлепка, однако рука у нее оказалась неестественно мокрой. И тут же майора прошил разряд в полтысячи вольт. У Самойлова свело пальцы, руку скрючило. Второго выстрела не произошло, электронный блок «Осы» перешёл в защитный режим.

Майор, даже теряя хватку, действовал автоматически: сместил вес, подсёк её левую стопу и, ухватив за ворот, потянул вниз – классический «подбив» из милицейского рукопашного. Против нормального человека трюк, близкий к гарантии падения. Но «Неля» лишь слегка присела, пружиня коленями. Тело её оказалось плотным, как мешок мокрого песка.

Самойлов бросил бесполезный пистолет, попробовал вывернуть ей кисть на «залом» – и вот тут под пальцами случилась прямо-таки сказочная мерзость: кожа стала скользкой, влажной, будто он схватил живого угря. Запястье выгнулось ещё, ещё – суставу давно пора было хрустнуть, но он лишь пружинил.

В ответ «Неля» ткнула двумя пальцами ему под ключицу. Необъяснимо точно – в нервный пучок между плечевым сплетением и сонной артерией.

Разряд был короткий, как вспышка фотоаппарата, но очень убедительный, как сказанное слово, от которого ломит зубы. Потом серия разрядов послабее, коротких и частых. Майору показалось, что к нему подскочил мастер спорта по самбо и дзюдо одновременно, и начал швырять и волтузить его брентную тушку по асфальту. Рот его сам собой распахнулся, воздух застрял в горле, а мир дернулся на петле и закрутился. Позвоночник запел свою рапсодию отдельно, пальцы согнулись, как старые гвозди. Отпустить Нелю от не мог уже при всем желании. Потом мир на секунду окрасился бело-синим, сердце пропустило удар, потом дернулось пойманной птицей, а легкие отказались слушаться.

– Эпилепсия, – совершенно спокойно сказала Неля, когда из кустов бегом вернулась Тамара. – Нужно успеть. У него типичный припадок. Вы врач, вы знаете, что нужно. Быстро, головной конец вниз, фиксируйте шею. В больницу!

И уже для майора, обмякшего, она чуть-чуть наклонилась и прошептала – совсем другим голосом, шершавым и лениво-хищным:

– Хорошая подготовка, офицер. Жаль, старой школы.

Майор слышал и не слышал. Он пытался сказать: «Не трогай, это она», – и снова получил короткий, строгий, как замечание в журнале, удар током – искусно, скрытно, пальцами в бок. Мир послушно вспыхнул искрами и погас – Лу Квась всадил в него разряд киловаттной мощности – на какой был только способен. Самойлов успел подумать, что у «Нели» в ладонях, наверное, электроциты – как у скатов или угрей. Почему бы им не быть и у амфибий с дальними родственниками на чужих планетах. Густав говорил про мелочи – а мелочи, действительно, решают всё.

Последнее, что почувствовал майор, – как ловко и практично кто-то поднимает упавшую «Осу», защёлкивая предохранитель.

Когда сознание вернулось, вернулось оно не совсем туда. Машина ехала. За рулём сидела внезапно «похудевшая» Неля, лицо её было собранным, будто наконец-то ей разрешили заняться делом. Тамара сидела рядом с ним, прижимая к себе майорскую руку и внимательно смотря вперёд – глаза её были расширены и, вероятно, созерцали неведомые корабли, где гуляли двухметровые кошки и медведи в доспехах. Сам Самойлов полулежал на заднем сиденье, пристёгнутый ремнём, как негабаритный чемодан.

– Дышите, – профессионально сказала Неля, не оглядываясь. – Глубже. Смиритесь. Всё будет хорошо. Мы сейчас... – она уверенно вырулила вправо, минуя ямку, – в кромскую больницу. Там вас примут и окажут помощь.

«У них везде свои люди», подумал майор, но подумал вяло. В голове ещё развевались бахромой отсветы электричества. Впереди по дороге плясали перед глазами маленькие молнии, сливающиеся вдалеке в белую горизонталь. Вдоль обочины тянулись строем берёзы – и по ним тоже скакали огоньки. Майор вздохнул и отключился.

– Неля, – тихо сказала Тамара. – Он... разве эпилептик? Я не видела. И раньше не было.

– Эпилепсия любит сюрпризы, – мягко сказала Неля. – Вы же врач. Вы лучше меня знаете. А он – не из болтливых. Мог и не говорить.

Тамара кивнула и снова замолчала. Она вцепилась в свои новые воспоминания, как пациент в одеяло, и не могла понять – своё ли это, а если своё, то почему такое чужое. Где-то в глубине у неё продолжал идти процесс: кто-то у кого-то стирал память, и стирание было аккуратным и бесшумным, как хорошая швейная машинка. Кошка поднимала руку, и человек переставал быть человеком. Хотя тут был не человек, а лягушка прямоходящая, но ведь тоже разумная! А превращалась в малыша, которому теперь заново – «ложка, вилочка» – и снова двор-озерцо за домом, и снова первый букварь, даром что на другой планете. Тамара, врач, буквально волосками на коже ощущала, как это страшно и как это... рационально. Можно не убивать; можно сделать невинным. Это хуже.

Майор шевельнулся.

– Та-мара... – хрипел он. – Не верь...

– Тихо, – приказала Неля, не оборачиваясь.

Ее рука изогнулась неестественно для человека и, для верности, коснулась шеи. Майор понял, что электричество, как и все удовольствия, можно дозировать. Он сделал выбор в пользу пассивности.

Город встретил их знакомыми, несмотря ни на что, знаками: автосервис «У Мишки», базар с дешёвым мёдом и слишком дешёвыми помидорами, пруд со слабым льдом, по которому смело бегал мальчишка с палкой и собачкой. Печатные буквы «КРОМСК» у въезда, пожелтевшие от времени, но всё ещё державшие градус самоуважения.

Приёмный покой Кромской больницы встретил их запахом спирта и картофельного пюре из дежурной столовой по соседству. Неля припарковалась уверенно, и ловко помогла вынести майора. Дальше уже командовала Тамара, отдавая привычные поручения – короткие и четкие. Санитары – две безликих фигуры в одинаковых халатах – возникли, как и положено, без промедления. Никто не задавал лишних вопросов. Всё делалось правильно, точно, будто проигрывалась хорошо отрепетированная сцена. В этом и был весь ужас.

– Дальше я сама, – сказала Неля, и в этом «сама» было то самое спокойствие, от которого хочется сесть. И она села – за руль снова, потому что надо было отогнать машину, и все вокруг как-то буднично поняли, что и правда «надо».

Тамара обернулась – хотелось что-то сказать, о чем-то спросить, дотронуться. Получить эмоциональный якорь. Но Неля уже закрывала дверь. На долю секунды их глаза встретились – и Тамара увидела, как в зрачках Нели, как в двух маленьких чёрных лужах, отражается боль-

ничный коридор, отражаются она, санитары, майор – и ещё кто-то, высокий, словно изломанная тень – фигура, которой здесь быть не должно. И снова расхождение – левый зрачок, правый. Глаза живут каждый своей жизнью.

– Спасибо, – сказала Тамара автоматически.

Машина уехала, тихо исчезая из поля зрения. Она словно растворилась в полосе дождя, которого не было.

Майора уложили на каталку. Он, между тем, очнулся настолько, что смог наконец связать пару слов. Боль отступила – электротравма тоже имела свои пределы. Он поймал Тамарин взгляд и сказал шепотом, медленно, как пишут палочкой по песку:

– Не... она.

– Знаю, – сказала Тамара; она на словно услышала себя со стороны. – Тамара – это я. А она... – и не нашла для «она» подходящего имени.

"Неля» было слишком честное имя для такого момента.

Майора снова скрутила судорога, и он потерял сознание. Тамара уже расстегнула было куртку для проведения реанимации, когда Самойлова вдруг отпустило. Он расслабился и задышал ровнее, но в себя не пришел. Из-за пазухи выпал на асфальт маленький футляр. Тамара подняла его и, не удержавшись, на секунду открыла. Бриллиант на колечке блеснул в тусклом осеннем свете игристой радугой. Главврач быстро закрыла коробочку и запихнула обратно в карман майора.

– ЭКГ, КФК-МВ, янтарь для почек, – коротко бросила она увозившим майора в приемный покой и сразу кивнула на футляр:

– Ценная вещь, оформить по ноль-ноль-три-у!

(КФК—МВ (Креатинфосфокиназа—МВ) – это фермент, который является специфичным индикатором повреждения сердечной мышцы (миокарда) – прим. автора)

В коридоре шумело, как всегда. Приёмная открылась, как рот. Мелькнул сестринский халат, кто-то сказал «барбитураты – вы что?», кто-то поставил катетер, кто-то хмыкнул. В углу приемного покоя какая-то бабушка кому-то рассказывала про свое повышенное давление. Жизнь делала то, что умела лучше всего – продолжалась.

Тамара осталась возле подъезда. Из головы все никак не шел злополучный футляр, который майор вез на встречу с ней. Теперь появилась тема для размышлений – что с этим делать? Решив вернуться к этому позже, она отправилась к себе в кабинет. Прямо «с корабля на бал».

А в это время «Неля», вернув машину на парковку, открыла багажник. Роза на чемодане глядела на неё, как глаз – смешной, обиженный, человеческий. Она сняла розу двумя пальцами, повертела, бросила в мусорник, как бросают увядший букет. Спокойно достала чемодан – тот распахнулся на коленях, как пасть рыбы, выплюнув пару пустых пластиковых бутылок и чёрную неприметную сумку. Сумка была тяжёлая – внутри скользили, как живые, какие – то непонятные приспособления.

Она повесила сумку на плечо. Фигура ее была по-прежнему коренастой, но от полноты не осталось и следа. Загадочным образом подтянулась под новый размер одежда. Лицо слегка изменилось, как меняется вода в луже, когда ее потревожит ветер. Лоб стал гладким, щёки – тоньше, разрез глаз – глубже. Совсем чуть-чуть – настолько чтобы сторонний глаз не цеплялся. Потом она пошла – не торопясь, не озираясь, ничем не отличаясь – к боковой калитке, к которой вели две брошенные в мерзлую грязь бетонные плиты. По узкой подсобной дорожке, по которой обычно ходил лишь персонал и те, кто точно знает, куда идёт. Мимику срочно нужно было укрыться: электроциты перезаряжались, пожирая немыслимое количество калорий, что приводило к некоторой слабости.

Калитка распахнулась, как будто ждала ее. За ней был маленький дворик, где на верёвках качались халаты, и хозяйственный вход, который «для своих». Она просочилась – бесшумно, как вода, и исчезла в мягком темноватом нутре больницы. Растворилась, как правильно при-

готовленный краситель в желе. Вот только была жидкость, и вдруг затвердело: все просто и понятно, но дальше не продвнешься...

Позже, когда майор очухался окончательно, ему стал часто слышаться мягкий стрекочущий звук, и этот звук потом всю оставшуюся бурную жизнь он путал то с шуршанием листвы, то с треском электрошокера в кино. Самойлов почему-то подумал о том, что прогрессоры – эти жалкие любители с профессиональной привычкой перекраивать чужие биографии – всегда немного блаженные. Они умеют стирать память, но никогда не убирают следов до конца. Искорки всегда остаются.

А внизу ругался санитар из-за того, что кто-то опять прошёл через подсобку, и кто-то из дежурных сестер шипел в ответ, что «вечно у нас бардак и двери как проходной двор». И всё это было правдой. И неправдой тоже было. Одновременно. Как глаза Лу Квazia, которые моргали по отдельности, сперва левый, потом правый. Как горячие руки врача, который порой не знает, кого лечит. Как город, жизнь которого вернули в привычное русло, не спросив ни у кого согласия. Хотя часто ли спрашивают чьего-то согласия, если можно просто пройти мимо с наглой рожей?

*

Через несколько часов, когда лежащий в палате интенсивного наблюдения Самойлов дошёл до состояния «могу сидеть», его смартфон взорвался виброзвонком: «Номер скрыт».

– Слушаю, – хрипло хрипло бросил в трубку майор.

– Докладывай, – отрезал Густав.

Голос его был сухим, как корка горбушки, забытой на неделю.

Майор коротко выложил: странные «воспоминания» Тамары, остановка у ларька, контрольный вопрос, «Оса», силовой контакт, разряды, провал сознания, очнулся уже в больнице. Достаточно, чтобы понять масштаб, но без эмоций.

– Самодеятельность, – скрипуче сказал Густав, словно вынося приговор. – Тебе приказали «смотреть». Ты начал «действовать». Итог – потеря контроля над объектом, повреждённая психика главврача и машина, полная чужих следов.

– Разрешите возразить, товарищ Густав.

– Возражай.

– Если бы не вмешался, объект бы просто ушел. Может быть что-то сделал с Тамарой. А я бы не смог ничего доказать.

– Допускаю, – рыкнул Густав, – но операцию мы готовили под другое. Ладно, жив остался – уже хорошо.

Секунда тишины, будто генерал листал сводку.

– Слушай команду. Машину не трогать. Личные вещи – в пакеты и под пломбу. Я присылаю биолога, сделает экспресс-секвенирование. Ты понял?

– Так точно.

– Второе. Пока никому, даже своему лечащему, об «электроцитах» ни слова. Диагноз официально: электротравма неизвестным устройством. Понятно?

– Понятно.

Голос Густава смягчился ровно на полтона:

– И всё-таки молодец, майор. Нечаянно подсветил нам нового фигуранта. До тебя про этого персонажа мы не знали. Теперь хоть что-то есть.

Щелчок – линия оборвалась.

К вечеру, когда капельницу с регидроном сменили на физраствор, а дежурная сестра ушла за ужином, дверь распахнулась. Густав в чёрном демисезонном плаще вошёл без стука. За ним – высокий, скуластый тип в маске FFP-3; на кофре маркировка «MinION mk-3: mobile

DNA». Нанопоровый детектор ДНК третьего поколения. Очень недешевая штучка, равно как и расходники к ней.

Майор попытался встать по уставу.

– Сидеть, – махнул генерал.

В его голосе сквозила усталость транзитного дальнбойщика. Биолог кивнул, прислонил кофр к стене и исчез в коридоре: работать он будет в машине.

– Максим Ильич, – Густав присел на край пустой койки, – изложу то, что тебе следует знать. Мы теперь всегда ходим по двое. Тебе тоже советую, но никаких конкретных рекомендаций: думай сам, как проверять, кто перед тобой – я или не я.

– Что-то случилось?

– ДНК – та, что сейчас в работе, – совпала в трёх точках: на квартире убитого алкаша, в твоём «Патриоте» и... на даче полковника Барченко. Ещё раз майор: то, что на даче, и то, что у тебя в салоне, – один и тот же биоматериал. Настоящий Барченко, как установили соседи, никуда в известное время не уезжал. Обрастал щетиной, чинил парник и ходил на рыбалку. Все это время в городе работал мимик. И в столовой РОВД был тоже он.

На самом деле генерал уловил связь с фальшивым полковником почти случайно: в прошлый визит просто не выключил экспресс-детектор «След—М К7» при переезде с одной точки на другую, решив сэкономить время на прогреве техники. После, изучая журнал прибора, он отметил, что в бане майора посторонней контаминации не было, а в машине она присутствовала. Потом ненавязчиво проверили все машины, на которых майор ездил в тот день – и новый след оказался в джипе Барченко. Далее последовал аккуратный опрос соседей по даче и «случайный» разговор с настоящим Барченко, где генерал отметил «смещение» эмоциональных акцентов на неудобные вопросы. Финалом стало обследование дачи Барченко, где тоже всплыл яркий след ДНК Лу Квazia. Прогрессор спалился по полной.

Майор закашлялся:

– Их минимум двое?

– Больше. «Барченко-мимик», «Неля» – раз. «Василина», «кошка», «лже-Тамара» – два, и есть ещё минимум трое: инженерное и силовое прикрытие. Вот с этими встречаться не советую.

– Что прикажете?

Уголки губ Густава дрогнули – почти улыбка.

– Пока – абсолютно ничего. Твоя задача: выздороветь, повторно опросить Тамару, не давить. Вопросы «а не сон ли» — это твоя территория. Сверх того не выходишь.

Пауза. Густав поднялся:

– Завтра получим секвенции. Биохимики скажут, чего не любят эти твари. А вот за наводку спасибо. Если б ты не полез со своей «хлопушкой», не увидел бы «хамелеоновы глаза» – многого не узнали бы.

Он уже был у двери, когда обернулся:

– Сделай вид, что расстроен. А я оформлю тебе через твоё начальство взыскание – для правдоподобия. Только личное дело не трону, слово даю.

– Служу России, – выдохнул майор.

– Вот и служи! Будет тебе ещё задание, как поправишься. И не одно, – Густав бросил взгляд на капельницу, убедился, что физраствор капает размеренно, и вышел.

За дверью слышно было, как он говорит кому-то вполголоса:

– Проверьте палатные журналы. Если хоть одна медсестра назовет автобус двести тридцать второй или хоть слово скажет про Тюмень – выводим её на отдельное тестирование. За реакцией зрачков смотрите внимательно!

Дверь закрылась, палата снова наполнилась привычной звенящей медицинской тишиной, нарушаемой лишь тихим писком аппаратуры. Самойлов откинулся на подушку и впервые

за день позволил себе роскошь – минуту не думать и ничего не решать. Где-то в коридоре чиркнула зажигалка, и майору показалось, что запах табака напоминает запах болотной топи: сырой, терпкий, чуточку горьковатый. Но это, наверное, ему померещилось.

Глава 5.

6 ноября 2026, Кромская городская больница

Профессора Лахенштейна и майора Самойлова выписали в один день.

Но если Александр Соломонович тихо покинул приемный покой и укатил на машине егеря, то майору выписной эпикриз подписывали втроем – дежурный терапевт, невролог и сама Тамара Петровна. Электротравма штука коварная: отпустишь раньше времени – получишь через неделю инфаркт или инсульт. Но анализы были в норме, ЭКГ без патологий, только на ЭЭГ какие-то странные пики в теменной области.

– Головные боли есть? – спросил невролог, молодой парень из ординаторов.

– Нет, – соврал Самойлов.

Голова раскалывалась третий день, но лежать в больнице было некогда.

– Тут такая активность... – пробормотал ординатор, разглядывая энцефалограмму. – Тета-ритм повышенной амплитуды...

Тамара посмотрела на майора странно. Не просто понимающе – испуганно.

– Индивидуальная особенность, – быстро сказала она. – Выписываем.

Ординатор пожал плечами и подписал. Самойлов поймал взгляд Тамары – она все понимала. И про головную боль, и про то, зачем ему срочно надо выписаться. Она видела такие ЭЭГ раньше. Знала, что они означают. И молчала.

В кармане лежала бархатная коробочка. Кольцо он купил еще месяц назад в областном центре – белое золото, якутский бриллиант в полтора карата, чистота IF. Половина годового жалованья, но дело того стоило.

– В субботу жду, – сказал он, забирая документы.

– Приеду, – кивнула она. – Часов в семь.

*

Баню он топил с четырех. Березовые дрова, правильная закладка – чтобы жар был мягкий, обволакивающий. Веники – дубовые и березовые – замочил в теплой воде еще с утра. На каменку плеснул настоя полыни – для аромата. Летом полынь ещё и комаров отпугивала.

Тамара приехала ровно в семь. Серый деловой костюм сменила на джинсы и легкую блузку. Без макияжа выглядела сильно моложе своих лет.

– Ого, – сказала она, входя в предбанник. – Ты тут целую операцию развернул.

На столе – нарезка, соленья, квашеная капуста. Графин с клюквенным морсом запотел от холода. В углу – ведро со льдом и пивом.

– Стараюсь для любимой женщины, – улыбнулся Самойлов.

Первый заход сделали легкий – прогреться. Тамара с удовольствием подставляла спину под веник, млела от жара. Самойлов старался не пялиться, но получалось плохо. За два года их странных отношений он так и не привык к ее красоте – не девичьей, а зрелой, осознанной.

Второй заход был жестче. Самойлов плеснул на каменку эвкалиптового масла, температура подскочила под сотню. Тамара ахнула, но выдержала. Вышли распаренные, счастливые.

– Хорошо-то как, – выдохнула она, кутаясь в махровый халат.

Самое время.

Самойлов достал коробочку, встал на одно колено. Банально до невозможности, но иначе он не умел.

– Тамара Петровна Вихрач, – начал он официально и сбился. – Тома... Черт. Выходи за меня!

Она смотрела на кольцо с восхищением, но без удивления.

– «Внутренне безупречный»? – шепотом спросила она.

(Чистота IF (Internally Flawless) – это одна из высочайших категорий чистоты бриллианта по международной системе оценки GIA. Она означает «внутренне безупречный». Круче только FL (Flawless), но это уж совсем раритет, даже для частных коллекций – прим. автора)

– Можно покурить? – спросила она после долгой паузы.

– Ты же бросила три года назад.

– Можно?

Он протянул пачку «Парламента». Тамара вышла на крыльцо, он следом. Самойлов заметил – она захватила с собой полотенце. Зачем? Курить можно и без него. Потом понял: чтобы было чем вытереть лицо, если не сдержится. Прикурила, затянулась глубоко, с четверть сигареты сразу превратив в пепел. Профессиональная затяжка человека, которому срочно нужен никотин для перезагрузки мозга.

– Слушай, Макс, – начала она, глядя на темнеющий лес. – Ты хороший мужик. Правда хороший. И в постели ты... более чем. И заботливый, и надежный. Но давай начистоту?

Он молчал.

– У меня двое детей...

Голос дрогнул, и она тоже замолчала. Поздняя беременность, особенно первая, – это испытание. Ещё это – кесарево сечение и рубцы на матке. Двоих выносила, третий родился мёртвым. Организм сказал «хватит».

Самойлов знал эту паузу – так она останавливалась, когда чуть не говорила «трое». О мертворожденном третьем она рассказала ему год назад, пьяная и рыдающая. Утром сделала вид, что ничего не было. Чей был ребенок – она тоже не сказала...

– Старшей шестнадцать. Младшему – четырнадцать, выпускной класс, ОГЭ и дурь в голове. Они тебя не примут. Ты для них всю жизнь будешь «мент, который маму трахает». Извини за прямоту.

– Тома...

– Дай договорить... п-пожалуйста... Второе – наши должности. Я – главврач единственной нормальной больницы в городе. Ты – участковый, но с немалым авторитетом. Вон, как заварушка с фентанилом пошла – все к тебе прибежали. Мы оба в одной упряжке, понимаешь? Но в разных лямках. Любой конфликт интересов – и нас съедят. Причем с говном.

Она затянулась еще раз, уже спокойнее, однако Самойлов заметил, как дрогнула ее рука. Секундная слабость, которую она тут же подавила.

– Третье. Мы оба знаем, что пути назад не будет. Я из больницы не уйду – мне ее четыре года приходилось отстраивать после развала...

Она вновь осеклась. Оба помнили, как три года назад ей предлагали возглавить областную клинику. Отказалась. «Из-за детей,» – сказала тогда. Но дети остались бы в городе с бабушкой.

– ...и только сейчас что-то стало получаться. Ты из полиции не уйдешь – у тебя там вся жизнь. И что? Будем друг друга пилить за то, что работа важнее семьи?

– Но мы же...

– Любим друг друга? – она повернулась к нему.

Зрачки расширены, хотя фонарь над дверью светит прямо в лицо. Пульс на шее бьется часто – он видит, хоть и не медик. На виске выступила жилка – признак повышенного давления. Она врет. Себе или ему?

– Может быть. А может, нам просто одиноко. Два взрослых человека, сильно уставших от своего одиночества. Которым вдвоем лучше, чем порознь.

Самойлов сел на лавку. Тамара села рядом, взяла его руку.

– Давай оставим все как есть, – мягко сказала она, но не отпустила его. Наоборот, сжала крепче кисть, словно боялась, что он исчезнет. – Встречаемся, когда можем. Не лезем друг другу в душу.

Самойлов почувствовал, как дрожат ее руки.

– Не усложняем, – добавила она почти шепотом. – Хорошо?

При этом смотрела так, будто молила о прощении. Или о том, чтобы он не согласился.

Максим смотрел на ее пальцы – длинные, сильные, хирургические. На безымянном – тонкий белый след от обручального кольца, которое она носила пятнадцать лет.

– Такси вызвала? – глухо спросил он, все еще надеясь услышать «нет».

– Должно скоро подъехать.

Они сидели молча, пока не показались фары. Тамара встала, чмокнула его в щеку.

– Не дуйся. Увидимся на неделе.

Машина тронулась. Самойлов увидел, как Тамара прижала ладонь к стеклу – детский жест прощания. Потом резко отвернулась. Таксист что-то спросил, она замотала головой.

Водитель отвернулся и дал по газам. Машина растаяла в сумраке Болотной улицы.

*

Самойлов вернулся в остывающую баню, сел на лавку. Достал сигареты, закурил. Дым поднимался к потолку, смешиваясь с паром. Он еще раз прокрутил ситуацию, и понял: все знала и решение приняла не сейчас. Давно уже. Ни о чем не жалеет, ни в чем не сомневается, как бы ни было тяжело.

И тут накатило. Воспоминания были яркими, как вспышка. Та же баня, но другая Тамара. Нет, не Тамара – существо с ее лицом. Гибкая, страстная, с повадками кошки. Помнил каждый изгиб ее тела, каждый вздох, каждое движение. Помнил, как она прогибалась под ним, как царапала спину, как шептала на ухо непристойности на странном языке.

Только этого не было, и быть не могло, от слова «совсем». Настоящая Тамара была нежной, но сдержанной. Любила медленный секс «под Шопена», а не дикие скачки под собственные стоны.

Фальшивые воспоминания. Та тварь вшила их ему в мозг, когда прикидывалась Тамарой. Зачем? Чтобы влюбить? Привязать? Использовать?

Самойлов докурил, и бросил окурочек в догорающую печку. В голове начал складываться план. Густав велел следить за егерем и не лезть к прогрессорам. Но Густав далеко, в Москве. А «кошка» – где-то здесь, рядом. И она как-то связана с Михалычем, старым алкашом с хутора.

Может, через егеря удастся выйти на нее? Не для ареста – какой к черту арест существа, которое телепортируется и читает мысли. Просто... поговорить. Понять, зачем она сделала с ним это. Зачем подарила воспоминания о женщине, которой никогда не было...

Майор усмехнулся. Кому он врет? Ей или себе? От одной мысли о «рыжей» все его нутро пробивало огнем. Это была даже не страсть, а нечто глубинное, хтоническое. Оживала какая-то волчья натура – быть вожаком, атаманом. Обрести волю, свободу и власть. Вырваться туда, где нет охотников и пастухов, а есть лишь простор и подобные тебе самому.

Самойлов встал, плеснул воды на остывшие камни. Пар поднялся вяло, неохотно.

Завтра поедет к егерю. Не официально – по-дружески. Выпьют водки, поговорят за жизнь. А там видно будет.

В конце концов, что он теряет? Любимую женщину он только что потерял. Остается искать придуманную «богиню». Он усмехнулся собственным мыслям. Сорок с гаком, майор полиции, а ведет себя как влюбленный пацан. Да еще влюбившийся не в земную женщину, а черт-те в кого. И вишенка на торте – это его совершенно не пугало. Паршиво, но когда привычная дорога вдруг упирается в болото, в обход идти страсть как неохота. Невольно мечтаешь отрастить крылья и продолжить выбранный курс.

Баня окончательно остыла. Самойлов оделся, запер дверь, пошел к дому. Коробочка с кольцом оттягивала карман, как камень. Самойлов достал её, прокрутил в руках. Полтора карата чистоты IF. Бесплезный тепер кусок прессованного углерода.

На крыльце посмотрел вдаль. Бурьян в огороде соседа-алкаша уже не закрывал вид на поле, за которым стеной стоял голый лес. На мгновение в черном лесу словно мелькнул огонек. Или показалось.

– Приходи, – сказал он в темноту. – Поговорить надо.

Лес молчал. Но Самойлов чувствовал – его слышали. Прежде всего слышал себя сам. Осталось ждать. Ждать он умел – этому научила служба. А вот готов ли он к встрече – вопрос, на который ответа не было.

Майор вернулся в дом. На столе – недопитый чай, газета трехдневной давности, служебный планшет. Привычные символы обычной жизни, которая уже никогда не будет прежней.

*

Тем временем Тамара попросила водителя остановиться у круглосуточной аптеки.

– Пять минут подождете?

– Любой каприз, – равнодушно ответил таксист.

В аптеке она купила корвалол и валерьянку. Потом подумала и взяла феназепам – по рецепту, но её знали в лицо и продали так, за обещание уладить отчётность. В России мало меняется менталитет: главврач провинциальной больницы – это боярин, почти князь.

Дома было темно. Дети спали. Тамара не стала включать свет, прошла на кухню, села у окна. Город за стеклом мерцал огнями, как организм под микроскопом – живой, пульсирующий, больной.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Она знала – там три пропущенных от Макса. Не стала проверять.

Открыла ноутбук, вбила в специализированный поиск: «мыслит» «Аномальная тета-активность», «мыслит» «теменная область», «мыслит» «электротравма». Получила научную муть про эпилепсию, энцефалопатии и нарушение кровообращения. Добавила: «изменение личности». Попалась статья профессора Рахманинова (светило психиатрии и нейрофизиологии) в соавторстве с... «проф. Лакенштейном А. С.» Статья была пятилетней давности. Называлась «Возможные последствия воздействия комбинированных физических полей на структуры мозга».

Она читала, и холод полз по спине. Профессор описывал случаи «спонтанной реорганизации нейронных связей» после контакта с тем, что он деликатно назвал «аномальными зонами пространственно-временного континуума». Рахманинов выдвигал революционную гипотезу о том, что каждый нейрон обладает собственной интуицией. За основу был взят эксперимент «Разделенный мозг» Роджера Сперри 1961 года. Суть эксперимента была в том, что пациентам с эпилепсией перерезали мозолистое тело, соединяющее полушария. Выяснилось, что каждое полушарие «мыслит» по-своему – это открытие изменило представление о сознании.

Рахманинов убедительно доказывал предположение о том, что человеческое сознание в широком диапазоне может быть как раздроблено до квантового уровня (псевдомозг, цереброид из нескольких сотен нейронов), так и слито в кластер «суперсознания». Одним из факторов риска проявления данного феномена он считал внутреннюю противоречивость личности.

Тамара закрыла ноутбук. Прикрыла глаза. Рахманинов остро критиковал такие спорные теории, как «морфические поля Руперта Шелдрейка», но сам при этом создавал теорию того же толка. Вот и внутренние противоречия! Куда же без них...

Ей представился бриллиант сияющий холодным огнем. Полтора карата абсолютной чистоты. «Внутренне безупречный» – она горько усмехнулась. В отличие от неё самой.

Глянула на свою правую руку. На безымянном пальце – белая полоска от старого кольца. Пятнадцать лет носила, пять лет как сняла. А след остался. Как шрам.

Тамара вспомнила, как примеряла кольцо Макса. Село идеально. Конечно – он же полгода вынюхивал размер, хитрец. Расспрашивал медсестер, какие перчатки главврач носит.

В зеркале напротив отразилась женщина лет сорока пяти, несмотря на то, что было ей уже за пятьдесят. Еще красивая, но уже не молодая. С морщинками у глаз. С предательской сединой в тщательно окрашенных волосах.

Если бы не дети. Если б не больница. Если бы не страх. Если...

Но главное сейчас было не в этом. Тамару тревожило то, что она увидела на энцефалограмме майора. Те же паттерны были у двадцатилетней Марины Солнцевой три года назад. Девушку привезли из леса в коме. Очнулась через неделю и утверждала, что была «там, где деревья поют». Выписали под расписку родственников. Через месяц Марина исчезла. Одежду нашли на берегу Ядрова озера. Сама бесследно исчезла.

И у десятилетнего Вити Смирнова пару лет назад были такие же волны. Его тоже не било током: он пошел за клюквой и заблудился на болоте. Плутал Витя неделю. Когда парня нашли и госпитализировали, он все время рисовал странные символы. На все расспросы отвечал, что встретил «черную тетю из леса во-от с такими рыжими волосами». Эта «тетя» его покормила, а потом учила «правильному языку» и «чувствовать знаки». Спустя какое-то время нарисовал, как его мать попадет под КамАЗ. Через два дня мать погибла – она работала на лесокомбинате и подошла слишком близко к грузовику, оказавшись в «слепой зоне». Трагическая случайность. Витю забрали в областную психиатрию. Что с ним сейчас – неизвестно.

Теперь – Макс.

«Морфические поля», несмотря на их спорность, неплохо применялись в психологии. А «комплексное воздействие» Рахманинова—Лакенштейна она наблюдала сама.

В ординатуре её прозвали «ведьмой» – умела предчувствовать осложнения. «У этого будет отек,» – говорила она, и через час начинался отек. «Этого не выписывайте, сердце сдаст» – и сердце сдавало через день. Сама списывала на опыт, но иногда, глядя в зеркало, видела в своих глазах что-то древнее. Словно кто-то другой смотрел изнутри. И этот кто-то мягко шептал ей, что Самойлов болен и опасен. Опасен для себя и окружающих.

Тамара достала телефон, начала набирать сообщение:

«Макс, прости. Я струсил. Правда в том, что я люблю тебя. И я видела твою ЭЭГ. Знаю, что происходит. И боюсь. Не за себя – за тебя. Что бы ни случилось тогда в дороге – оно часто меняет людей. Необратимо. Береги себя. Пожалуйста.»

Перечитала. Удалила. Набрала заново:

«Прости. Я трусиха.»

Посмотрела на экран долгим взглядом. Удалила и это.

За окном что-то блеснуло – будто метеор прочертил небо и погас. Или показалось. В последнее время ей много что казалось. Например, что у таксиста были желтые глаза. Глаза, моргающие порознь – левый, потом правый, как у хамелеона. Или это игра света была? Что в приемном покое пахло озоном, хотя грозы не было. Что профессор Лакенштейн, когда она пришла его проведать, чертил на салфетке те же символы, что рисовал мальчик Витя.

Феназепам подействовал минут через сорок. Тамара легла спать в одежде, обняв подушку.

Ее мучили кошмары. Снился заболоченный лес: черный, мокрый, пахнущий прелью и грибами. Каждая корявая елка тянула к ней облезлые ветки, вещая женским голосом, похожий на её собственный, но моложе:

– Не бо-ойся! Он на-аш-ш! Скоро и ты поймеш-шь...

Проснулась в три часа ночи от собственного крика. На подушке – мокрые следы. То ли слезы, то ли пот. В комнате пахло озоном.

На кухонном столе, рядом с ноутбуком, лежала записка, написанная ее почерком:

«Выбор сделан. Путь открыт.»

Только Тамара этого не писала.

Определенно не писала.

Глава 6.

7 ноября 2026, хутор Беленький

Профессор Лахенштейн провалялся после выписки ровно сутки. Лежал на диване, смотрел в потолок и думал о том, что время уходит. Шестьдесят восемь лет – не возраст для ученого. Ландау в его годы еще... Впрочем, Ландау в его годы давно получил Нобелевку, но уже восемь лет как был в могиле. А Сахаров? Сахаров в шестьдесят восемь уже был академиком и диссидентом. А он, Лахенштейн? Ученый второго эшелона с сомнительной репутацией, который пока прославился лишь в соавторстве, да учинил взрыв на болоте, который чуть было не привел его в кутузку вместо Нобелевского комитета.

Впрочем ему было не привыкать сворачивать «не туда». Вначале карьера шла в гору – защитил докторскую по квантовой хромодинамике. Мог бы стать академиком, но увлекся маргинальными теориями. Коллеги отвернулись, финансирование урезали. «Лахенштейн? Тот самый, что в холодный синтез поверил? И в чертей болотных?» – говорили за спиной.

Утром следующего дня он стоял у калитки в спортивном костюме неопределенного цвета – купил лет пятнадцать назад в Финляндии, все никак не изнашивается – и курил, глядя на дорогу. В голове крутились формулы. Если его расчеты верны, то квантовая флуктуация в состояниях аномального водорода должна создавать устойчивый паттерн. Иначе невозможны стабильные состояния. Но для моделирования были нужны мощности. Серьезные мощности.

К обеду приехало такси – старая «Лада Гранта» с шашечками. Водитель, парень лет тридцати с наколкой на шее, помог втащить в дом два картонных ящика.

- Чего везем-то, батя? – спросил он, отдуваясь.
- Инструменты для работы, – уклончиво ответил профессор.
- На станок не похоже, – крикнул водитель, осторожно опуская ящик.
- Для головы станок, – проворчал в ответ Лахенштейн.

На одном ящике красовался логотип NVIDIA, на втором – просто иероглифы. Четыре мощных видеокарты и материнская плата для майнинг-фермы. Почти миллион, а с учетом остального обвеса – даже чуть больше. Жена бы убила, если б узнала. Хорошо, что со второй он развелся шесть лет назад – она осталась в Москве с квартирой и иллюзиями, а он получил свободу и одиночество. Вторую квартиру втихоря от бывшей он продал, благо она не проходила, как «совместно нажитое», так что деньги еще были.

Михалыч из окна наблюдал, как профессор с водителем возятся с ящиками. Чудит городской, думал он. То болото взрывает, то компьютеры таскает. А может, и не чудит вовсе. Может, знает что-то такое, чего простым смертным знать не положено.

Егерь выждал час. Потом еще полчаса – для приличия. Потом плюнул и пошел выяснять, что там соседский умник опять затеял.

Профессор встретил его в прихожей. На полу валялись куски пенопласта, полиэтиленовые пакеты и инструкции на английском. Лахенштейн выглядел моложе своих лет – в глазах горел азарт исследователя и священный огонь познания. Михалыч такие глаза видел у молодых ученых в институте. У себя в зеркале – давно уже нет.

– Заходите, Иван Михалыч, – сказал Лахенштейн, не поднимая головы от распаковки. – Чай будете?

– Буду, – Михалыч прошел на кухню, уселся на табурет.

Кухня была обставлена по-спартански: стол, две табуретки, минимум посуды. На подоконнике – стопка книг. Михалыч прищурился: Хокинг, Пенроуз, Дойч. И совсем неожиданное – «Солярис» Лема, зачитанный до дыр.

– Компьютер, значит, купили?

– Рабочая станция, – поправил профессор, доставая из ящика что-то массивное в антистатическом пакете. – Четыре NVIDIA A5000 в связке. Для параллельных вычислений.

«Знает ли он сам, что вычисляет?» – подумал Михалыч. Или как тот программист из анекдота – написал программу, работает, а что делает – непонятно?

Михалыч хмыкнул и полез в интернет. Прикинул в уме стоимость. Присвистнул мысленно. На эти деньги можно было купить дом в деревне – не самый лучший, но жилой. Или жить год, не работая. Или лечиться в Германии, как покойная Светка мечтала...

– Александр Соломонович, – начал он, когда профессор поставил чайник. – Давайте начистоту. Вы человек ученый, я человек простой. Но дураком меня считать не надо.

– Не считаю.

Профессор сел напротив, достал сигареты. Руки чуть дрожали – не от страха, от напряжения. Он что-то нашел, понял Михалыч. Нашел и теперь проверяет. И боится ошибиться.

– Вот и славно. Тогда объясните мне, зачем вам на болоте надо было фейерверк устраивать? С последствиями для здоровья, между прочим. Это вам статья 238 УК – производство работ, не отвечающих требованиям безопасности. До семи лет.

Михалыч сделал паузу, наблюдая за реакцией. Профессор напрягся, но взгляд остался прямым.

– А еще 223-я – незаконное изготовление взрывных устройств. До восьми лет. И 261-я, если хотите – уничтожение лесных насаждений. Там вообще до десятки.

Лакенштейн встал и прошелся по комнате. Считает варианты, понял егерь. Соврать? Сказать правду? Отшутиться?

– Откуда такие познания?

– Интернет, – пожал плечами Михалыч. – У меня, может, образования высшего нет, но читать умею. И считать тоже. Вы там гектара два болота опалили. И это еще не все! Нам легко могут припаять факт несанкционированного «испытания» в охраняемой территории. Статьи 254-я – за загрязнение ртутью от вашего «ихнийтрона», 220-я – ядерная опасность. А если решат нас всерьез прижучить – есть статья 205.

– И что это, позвольте узнать?

– Теракт. До двадцати лет!

Профессор остановился у окна. За стеклом – лес и болото, уходящее к горизонту. Он видит не лес, понял Михалыч. Он видит формулы, графики, модели. Все остальное – лишь декорация.

– Вы шутите?

– Если бы, профессор! – егерь встал. – Там очень хитрая формула. Достаточно сделать что-то, что создает угрозу тяжких последствий или ущерба в целях дестабилизации работы государственной машины. Чуете всю глубину иронии? Если этого мало – есть еще статья 210. Организация преступного сообщества. Тоже до двадцати лет.

– Бред какой-то, вы уж простите...

– А ваш «аномальный водород» – тоже бред? – не выдержал егерь. – Расскажешь – не поверят же. Только бабахнуло знатно!

Чайник засвистел. Лакенштейн встал, заварил чай – в старомфарфоровом чайнике с треснувшим носиком. Наследство прежних хозяев, как и весь дом. Михалыч знал историю – старики умерли, дети в город подались, дом продали первому встречному. И «первым встречным» оказался профессор Лакенштейн. Смешно...

– Иван Михалыч, – сказал он, разливая чай. – Больше никаких взрывов не будет. Обещаю.

Обещает, подумал егерь. А что, если его расчеты потребуют нового эксперимента? Откажется? Сомневаюсь. Да какое там «если»? Точно потребуют...

– А компьютер зачем?

– Математическое моделирование. Мне нужно просчитать модели взаимодействия полей. Для статьи.

Для статьи, усмехнулся про себя Михалыч. Которую никто не опубликует. Которую прочтут три с половиной человека. Ради которой он готов миллионы тратить. Или... кто-то еще в игре?

Егерь отхлебнул чай. Крепкий, как он любил. С подозрением посмотрел на профессора.

– Иван Михалыч, – Лахенштейн покачал головой. – Ну я же не идиот – дважды наступать на те же грабли!

Не идиот, согласился мысленно егерь. Фанатик, и это хуже. Идиот хоть остановится, когда больно станет, а фанатик будет идти, пока жив.

– Ладно. Допустим, поверил. Только вот что... Генератор-то у меня не резиновый. Эта ваша машинка сколько жрать будет?

– При полной загрузке – около четырех киловатт. Один этот кластер, – профессор кивнул на ящик с видеокартами, – берет около двух, но обещали подогнать еще один.

Егерь поперхнулся чаем.

– Вы в своем уме? У меня весь дом столько не тянет, если станки не включать!

– Я готов оплачивать солярку, – быстро сказал профессор.

– Да не в солярке дело! Генератор у меня – старый «Кипор», десять киловатт максимум. Да и тот барахлит. А мне еще дома освещать, воду качать...

Повисло молчание. Профессор отрешенно глядел в окно. Михалыч допивал чай.

– Я привезу свой генератор, – наконец сказал Лахенштейн.

– И где возьмете?

– Куплю. Или арендую. Это мои проблемы.

Деньги у него еще есть, прикинул Михалыч. Или достанет. Ради своей идеи он готов на все. Знакомо.

На следующий день профессор осторожно поинтересовался, нельзя ли поддержать генератор включенным подольше – «буквально пару часов сверх графика». Михалыч сидел в своей мастерской, точил цепи для бензопилы и обдумывал ответ. С одной стороны, сосед. С другой – принципы. Генератор работает по расписанию, и точка. Иначе хаос начнется.

– Солярка не из воздуха берется, – рявкнул он наконец. – Из моего кармана. График есть график: с семи до десяти утром и с шести до десяти вечером!

Лахенштейн молча ушел к себе. Михалыч видел в окно его сутулую спину. Обиделся, подумал. Ну и ладно. Я тут не электростанция.

Через три дня приехал грузовик. Привезли дизельный генератор «Вепрь» на шесть киловатт, почти новый, и бочку солярки. Водитель с помощником выгрузили все это добро, поставили под навес у профессорского дома.

– Арендовал? – спросил Михалыч.

– Купил, – буркнул профессор.

Упрямец, подумал Михалыч с невольным уважением. Как и я когда-то.

Больше они не разговаривали. Каждый вечер Михалыч слышал, как за забором заводится «Вепрь». Ровный гул продолжался до глубокой ночи. Иногда до утра. В окнах профессора горел неяркий синеватый свет – монитор.

Михалыч занимался своими делами: обходил территорию, чинил снегоход к зиме, варил самогон из остатков летнего урожая. По вечерам читал. Перечитывал в который раз «Территорию» – про геологов, про тайгу, про выбор между долгом и мечтой. Потом взялся за лекции Фейнмана по физике – купил недавно. Пытался хоть как-то понять, что там сосед вычисляет. Квантовая механика, теория поля, странные аттракторы... Слова вроде есть, а смысл ускользает.

Старый стал, думал Михалыч. Мозги не те. Раньше бы разобрался.

Профессор видимо занимался чем-то важным. По ночам Михалыч иногда выходил подышать воздухом – бессонница мучила последние годы – и видел в соседнем окне согбенную тень над клавиатурой. Иногда Лакенштейн вставал, ходил по комнате, потом снова садился. Иногда выходил на крыльцо покурить, и тогда они молча кивали друг другу через забор.

Что он ищет? – думал Михалыч. Истину? Славу? Или просто боится умереть никем?

Однажды ночью, часа в три, генератор за забором вдруг чихнул и заглох. Михалыч вышел на крыльцо. Профессор уже возился с агрегатом, светя фонариком.

– Помочь? – крикнул Михалыч.

– Сам справлюсь! – огрызнулся тот.

Гордый, подумал егерь. Как и я. Как все мы, кто остался на кромке привычного мира.

Лишь когда Лакенштейн возобновил поездки на болота, прихватывая с собой грузовую тележку, егерь вновь забеспокоился и снова пошел было к нему на разговор. Но в беседе выяснилось, что ничего опасного дрон не возил. Только стандартный набор: НАК-700, маленький генератор и несколько буылок с водой и топливом. Были еще конечно дроны маленькие, летающие. Но с ними профессор не расставался и раньше.

В пятницу вечером генератор не загудел. Михалыч вышел подышать воздухом: с куевом завязал, а привычка осталась. В окнах профессора мигали огоньки. Потом в дальней части избы холодным огнем вспыхнули отблески сварки. Прислушался – едва слышное гудение шло от столба. «Подключился напрямую, хитрец,» – подумал егерь. «Интересно, что он там такое вычисляет, что даже шести киловатт мало?»

Решил отложить расспросы до утра, но утром профессор лишь извинился, предложил компенсацию и снова засел у себя.

Так они и жили – два человека на краю леса, каждый в своем мире. Под рык техники и шум хозяйственных дел. Дни тянулись похожие друг на друга, разве что снег начал сильнее припорошивать землю, готовя белое покрывало для черной земли. До настоящей зимы оставалось совсем немного.

И все бы ничего, если б не один персонаж...

Глава 7.

Майор Самойлов, ноябрь-декабрь 2026

Поездку к егерю майор откладывал. Завтра превратилось в послезавтра, а потом еще в послезавтра, ибо служба требовала времени. В четверг утром позвонил Густав – недалеко от Тобольска обнаружили труп с выжженными глазницами. Пришлось ехать, принимать участие в осмотре, думать, что писать в отчетах, потому как труп оказался местным дилером и был, судя по всему, звеном печально известной фентаниловой цепочки. А вот способ убийства... Самойлов видел такое только однажды, и то в непростой папке.

К Михалычу он выбрался только через неделю. Все это время рыжая кошка снилась ему каждую ночь. Не эротические сны – хуже. Она просто сидела у окна, расчесывала волосы и что-то напевала на чужом языке. Просыпался он разбитым, с ощущением, что упустил что-то важное.

На третий день начал делать зарядку – по сотне отжиманий, приседаний, пресс до жжения. Тело болело, но это хотя бы заглушало другую боль. На пятый день сорвался – достал из сейфа личное дело Михалыча. СВО, Широкинская наступательная операция, орден Мужества, Георгиевский крест, медаль Суворова. Инвалид второй группы. Живет на хуторе уже четыре года. Чист как стеклышко.

Слишком чист.

*

Самойлов приехал под вечер, без предупреждения. УАЗик оставил у леса, дальше пошел пешком – полтора километра по заснеженной дороге. Хотел застать врасплох, но Михалыч встретил его на крыльце. Стоял, опершись на косяк, спокойный как Будда.

– Майор Самойлов, – представился, хотя оба знали, что это лишнее. – Можно поговорить?

– Проходите.

В доме пахло хлебом и еще чем-то – травами, что ли. На столе самовар, сушки, банка варенья. Идиллия, если не знать, что хозяин когда-то мог голыми руками udавить человека. И наверняка душил – на войне всякое бывает.

– Чаю? – Михалыч двигался неспешно, протез поскрипывал при ходьбе.

– Давайте сразу к делу, – Самойлов сел напротив, положил на стол папку. – У вас тут интересно. Профессор по соседству мутит что-то научное, в лесу взрывы непонятной природы, а вы сидите тихо как мышь. Странно для бывшего развед... извините, снайпера.

Михалыч усмехнулся, разливая чай.

– А что мне делать? На одной ноге за нарушителями бегать? Я про взрывы в полицию сообщил. Больше не моя забота.

– Зато ваша забота – гости. Особенно рыжие. Женского пола.

Егерь замер с чашкой в руке. Совсем ненадолго – секунду, не больше. Но Самойлов заметил.

– Не знаю, о ком речь.

– Василина. Тара. Или как она там себя называет. Рыженькая, зеленоглазая, гибкая как кошка. Была у вас этим летом. И осенью. И, думаю, будет еще.

– Мало ли кто бывает. Грибники, охотники... Приезжих хватает.

Самойлов открыл папку, достал фотографию. Снимок со спутника – двор Михалыча, у крыльца две фигуры. Качество паршивое, но рыжие волосы различимы.

– Узнаете?

– Плохо видно.

– Иван Михайлович, – Самойлов наклонился вперед. – Давайте без игр. Я не собираюсь ее арестовывать. Мне просто нужно поговорить. Пять минут разговора – и я исчезну из вашей жизни. Даже профессором вашим интересоваться не буду.

– А если я не знаю, где она?

– Знаете. Или знаете, как с ней связаться.

Михалыч отпил чай, неспешно, обстоятельно. Поставил чашку.

– Допустим. Чисто теоретически. Что вы ей скажете?

Самойлов достал из кармана коробочку с кольцом, положил на стол.

– Отдам это. Полтора карата, тридцать тысяч евро. В обмен на разговор.

– Она не продается.

– А я и не покупаю. Это... компенсация за беспокойство.

Михалыч хмыкнул.

– Майор, вы или совсем дурак, или очень хитрый. Что вам на самом деле надо?

Самойлов помолчал. Потом махнул рукой – будь что будет.

– Она залезла мне в голову. Оставила там... воспоминания. Фальшивые. О том, чего не было. Я хочу знать зачем.

– И всё?

– И всё.

– Врёте.

– Не вру. Может, не всю правду говорю, но не вру.

Михалыч встал, прихрамывая подошел к окну. За стеклом сгущались ранние зимние сумерки.

– Знаете, майор, есть вещи, которых лучше не знать. Есть двери, которые лучше не открывать. Вы одну уже приоткрыли – и что? Полегчало?

– Нет.

– Вот именно. А дальше будет хуже. Она не человек, майор. Совсем не человек. И играет она по своим правилам.

– Я понял это, когда проснулся на болоте.

Михалыч резко обернулся.

– Что вы помните?

– Неважно. Важно, что я все равно хочу ее увидеть. Готов на что угодно. Даже... – он замялся, потом выпалил: – Даже готов стать информатором. Вашим личным кротом в полиции.

– С чего вы взяли, что мне это нужно?

– С того, что рано или поздно к вам придут. Не я – другие. ФСБ, военная разведка, еще кто похуже. Профессор ваш уже слишком много шума наделал. А где шум – там и проверки. Лучше иметь своего человека, который предупредит.

Михалыч долго молчал. Потом вернулся к столу, плеснул себе еще чаю.

– Я передам ваше... предложение. Если сочтут нужным, с вами свяжутся.

– Когда?

– Не знаю.

– Мне нужны гарантии.

– Никаких гарантий. Либо ждете, либо уходите сейчас и забываете дорогу сюда.

Самойлов сжал кулаки. В висках стучало.

– Это не ответ.

– Это единственный ответ, который вы получите.

Майор встал. Медленно, чтобы не наделать глупостей. Навязчивое желание увидеть рыжую кошку боролось с остатками здравого смысла.

– Знаешь что, Михалыч? – обратно перешел он на «ты». – Я могу сделать здешнюю жизнь очень сложной. Один рапорт – и тут будет такая проверка, что мало не покажется. Электрики, пожарные, налоговая, полиция каждый день...

– Можете, – спокойно согласился егерь, сохраняя официоз. – Только тогда точно ее не увидите. Никогда.

Это было как ушат холодной воды. Самойлов сдулся.

– Ладно. Передайте, что я буду ждать. Неделю.

– Месяц минимум.

– Две недели. Это мой предел.

– Ваше дело.

Самойлов пошел к двери. На пороге обернулся.

– Она опасна?

– Смертельно. Но не для всех.

– Почему?

– Потому что вы ей зачем-то нужны живым. Иначе может быть нашли бы вас с выжженными глазницами. Как того парня под Тобольском.

Майор вздрогнул.

– Это она?

– Нет. Но всяко бывает.

Михалыч твердо решил никому и ни о чем не говорить, но Анима слышала все. До Тары же долетели нотки смутного беспокойства, источником которых виделся майор. И это возымело последствия.

*

Обратная дорога показалась длиннее. Снег начал падать крупными хлопьями, засыпая следы. Самойлов шел к машине и думал, что только что переступил черту. Стал информатором неизвестно кого. Предал присягу, по сути. И самое паршивое – его это почти не волновало.

Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Он продержится. А потом... потом будь что будет.

Самойлов вел машину на автопилоте. В голове крутился разговор с Михалычем.

«Она не человек, майор. Совсем не человек.»

Знаю, хотелось крикнуть ему. Знаю! Я это кожей чувствую, каждой клеткой.

Дома он машинально проверил замки, выставил сигнализацию. Параноик, подумал о себе. Но паранойя – это когда за тобой никто не следит. А за ним следили. Он это знал так же точно, как знал, что сегодня она придет.

Лег спать не раздеваясь. Пистолет положил на тумбочку – бесполезный жест, но успокаивающий. Закрыв глаза и стал ждать.

И ждать пришлось недолго.

В три часа Самойлов проснулся от ощущения чужого присутствия. Не резко – мозг еще плавал в тумане сна. Кто-то сидел в кресле напротив кровати. Силуэт в темноте.

– Не включай свет, – женский голос, низкий, с легкой хрипотцой. – И не тянись к тумбочке. Пистолет я убрала.

Майор моргнул, пытаясь сфокусироваться. Рыжие волосы мерцали в полумраке как тлеющие угли.

– Тара...

– Умница. Узнал. Хотя мы ведь формально не знакомы, правда? Ты знаешь только мои... артефакты в твоей голове.

Самойлов попытался сесть, но тело не слушалось. Как в сонном параличе – мышцы ватные, координация нарушена.

– Что ты... со мной сделала?

– Ничего особенного. Просто удерживаю тебя между сном и явью. В этом состоянии люди более... податливы. Расслабься, больно не будет. Я дам тебе пять минут, – Тара закинула ногу на ногу. В темноте блеснули янтарные кошачьи глаза. – Выскажись. Задай вопросы. Излей душу. Что угодно. Это твой шанс.

– Зачем? – голос майора был хриплым со сна.

– Считай это... последней исповедью. Или предсмертным желанием. Выбирай метафору сам.

Майор сглотнул. Горло пересохло.

– Вода... можно?

– Нет. Говори так.

– Ты... вы... пришельцы? Инопланетяне?

– Следующий вопрос.

– Почему именно я? Что я такого особенного сделал?

– Ничего. Ты оказался в нужном месте в неудачное время. Классическая история.

– Эти воспоминания... Тамара, которой не было... Зачем?

Тара помолчала. В темноте что-то мягко зашелестело – может, она поправила волосы.

– Это был эксперимент. Неудачный, как оказалось. Я хотела создать эмоциональный барьер, чтобы ты отстал. Вместо этого создала якорь, который тянет тебя ко мне. Ирония судьбы.

– Сука, – выдохнул майор.

– Просто исследователь.

– А Михалыч? Он тоже подопытный?

– Михалыч – другое дело. Он... Впрочем, тебе это знание уже не понадобится.

Тара встала, подошла ближе. От нее пахло чем-то странным – не духами, чем-то более древним. Лесом после грозы, хищным зверем.

– Сейчас я заберу твою память. Обо мне, о Михалыче, о последних месяцах. Ты проснешься утром с легкой головной болью и туманом в голове. Спишешь на запой. Через неделю даже не вспомнишь, что что-то забыл.

– Нет...

– Это не обсуждается.

Она протянула руку к его лбу. Пальцы были горячими, почти обжигающими. Майор почувствовал, как что-то проникает в его сознание. Не грубо – аккуратно, профессионально. Как хирург, вырезающий опухоль.

– Не сопротивляйся. Больнее сделаешь только себе.

Но майор сопротивлялся. Всеми силами воли, которую выковали служба, Кавказ, развод и годы одиночества. Он визуализировал стену – толстую, бетонную, с арматурой. За ней прятал самое важное – лицо Тары, запах ее волос из фальшивых воспоминаний, разговор с Михалычем.

– Интересно, – Тара отстранилась. – У тебя очень сильная воля. Редкость для человека.

– Иди... на х...

– Груб. Но я понимаю. Защитная реакция. Мне даже жаль тебя. Правда. Ты не самый плохой человек. Просто лишний в этой истории.

Она снова прикоснулась к его виску. На этот раз давление усилилось. Майор почувствовал, как трескается его воображаемая стена. Кусочки памяти начали отваливаться, исчезать, словно рассыпаясь пылью.

Лицо «той» Тамары в бане... исчезло.

Сцена в больнице... стерлась.

Фальшивая Тамара... растворилась.

– Вот так. Хороший мальчик.

Но где-то глубоко, в самом древнем отделе мозга, в той части, что отвечает за инстинкты и сны, осталось зерно. Крошечный осколок воспоминания. Не образ, не слова – просто ощущение. Запах рыжих волос. Жар чужой кожи. Боль от потери того, чего никогда не было.

– Ну вот и все, – Тара отступила. – Ты чист.

Майор смотрел на нее пустыми глазами. Узнавания в них не было.

– Кто... вы? Как вы здесь...

– Тихо. Спи. Утром решишь, что это был сон. Странный, но всего лишь сон. Может быть... хороший сон...

Она пошла к окну. Обернулась в последний раз.

– Знаешь что, майор? В другой жизни, в другом мире... Может быть... Хотя это тоже не важно.

Окно беззвучно открылось. Холодный воздух ворвался в комнату. Когда майор моргнул, ее уже не было.

*

Самойлов проснулся в 6:30 от будильника. В висках пульсировало в такт сердцебиению – тупые удары изнутри, будто кто-то методично бил молотком по наковальне. С каждым ударом перед глазами расплывались цветные круги, а во рту появлялся металлический привкус – медь с железом, как от крови. Окно почему-то было открыто – надуло, наверное.

Он встал, принял душ, сделал кофе. На столе лежал табельный пистолет – странно, обычно он убирал его в сейф. Наверное, забыл вчера.

День начинался как обычно. Звонок из управления, какая-то ерунда с отчетами. Надо съездить проверить егеря – что-то там с браконьерами на болотах. Или он его проверял уже? Стоило подумать про хутор, как в голове возникла немыслимая каша.

Когда майор брился, глядя в зеркало, рука вдруг замерла. В отражении на секунду мелькнуло что-то. Рыжие волосы? Янтарные глаза?

Он тряхнул головой. Показалось. Но зерно в подсознании пустило первый корешок.

Тем же вечером майор сидел на кухне и пил водку. Не запойно – просто чтобы заглушить странную тоску. Будто потерял что-то важное, но не помнит что.

На столе лежала коробочка с кольцом. Полтора карата. Для кого он его купил? Тамара ушла. Новой женщины нет...

Майор покрутил коробочку в руках. В голове всплыло слово. Чужое, незнакомое.

– Кир-шаан, – произнес он вслух.

И не понял, откуда это слово и что оно значит, но сердце почему-то сжалось от боли. Зерно пустило второй корешок.

Через неделю оно проросло навязчивой идеей. Через неполный месяц любой профильный врач уже заметил бы признаки одержимости. А потом он вспомнил всё. Все, кроме ночного визита, который не успел отпечататься в долговременной памяти. Гиппокамп – штука сложная и непредсказуемая, особенно если проталкивать сигнал против естественных путей.

Тара стерла эпизодическую память – факты, лица, разговоры. Но запах рыжих волос записался в обонятельной коре. Ощущение жара – в соматосенсорной. Страх и желание – в амигдале. Если же тереть все – будет необратимое повреждение личности.

Мозг майора, привыкший к дедукции, начал восстанавливать картину по фрагментам, как археолог собирает разбитую вазу по черепкам. Никак не мог вспомнить имени, но остальное...

Была еще одна деталь. Майор не знал, что шоковый удар током, полученный от Лу Квazia, создал в его мозге уникальную аномалию. Теменная кора, отвечающая за интеграцию ощущение-

ний и пространственную ориентацию, теперь работала на частоте 4.7 Гц – частоте, на которой кир-шаан транслируют эмоции.

И единственным источником в округе была Тара. Каждый раз, когда «кошка» испытывала сильные чувства в радиусе пятидесяти километров, мозг майора «вскипал». Вместе с сильной головной болью стёртые воспоминания восстанавливались, но не только из остатков памяти – они записывались заново из эмоционального фона Тары.

Она помнила их встречу. Помнила его лицо. Помнила даже то, чего не было – ту, фальшивую Тамару, образ которой «нарисовала», чтобы майор от нее отвязался. И этот адский коктейль просачивался обратно в его сознание.

Некоторые вещи нельзя стереть. Они часть тебя, даже если их никогда не было.

*

Декабрь выдался морозным и каким-то неправильным. Майор Самойлов просыпался теперь в половине пятого утра, хотя всю жизнь вставал ровно в шесть – внутренние часы работали как швейцарский хронометр. Лежал в темноте, слушал, как потрескивает остывающая печь, и злился на себя. Тревога подкатывала волнами, беспричинная и оттого особенно мерзкая. Как перед одной из операций на Кавказе, когда радист Колька за три дня до засады начал дёргаться и материться на ровном месте, говоря, что план дерьмовый. Тогда его не послушали, пошли по утвержденному маршруту. Попали в засаду, и Кольки не стало.

Третьего декабря позвонил Мурзин из транспортной компании – старый должник, ещё по кавказским временам.

– Слушай, Макс, – голос у Мурзина был виноватый, – тут твой профессор опять чудит. Ему недавно пришел агрегат на полторы тонны, двигатель или генератор какой-то хитрый. Стирлинга какого-то, что ли. Камера там такая, что хоть из танковой пушки бей – не пробьёшь. Молибден, вольфрам, ещё чёрт знает что. Документы все чистые, но ты же просил присматривать...

Самойлов записал подробности в блокнот. Рука дрогнула, когда выводил «толщина стенки камеры – 80 мм». Это уже не паранойя. Такую защиту ставят разве что на экспериментальных реакторах. Официально профессор Лахенштейн занимался экологией и альтернативной энергетикой – ветряки, солнечные батареи, да всякая природная муть для грантов. Но «стирлинг» с бронированной камерой в эту картину не вписывался никак.

Доложил Густаву. Тот приказал не вмешиваться и наблюдать, но если появится хоть какой-то след поставок радиоактивного сырья – сразу докладывать и ждать спецгруппу.

Однако все было тихо: загадочная железяка растворилась в лесу, и вот уже несколько дней не происходило совсем ничего. Даже городские злодеи затихли и перестали резать друг друга бутылками по пьяни, да красть друг у друга по мелочи. Всего-то один штраф выписал майор, и то за просроченную лицензию на оружие.

Тринадцатого, не выдержав, Самойлов поехал на хутор. Дорогу замело, «уазик» буксовал на подъемах, и это тоже бесило – словно сама природа пыталась его остановить.

Михалыч открыл не сразу. Стоял в дверях, шурился на зимнее солнце, и Самойлов отметил: осунулся мужик, под глазами мешки, руки подрагивают. Не пьёт – от него водкой не пахнет. Значит, то же самое? То же чертово предчувствие?

– Чего надо, майор?

– Поговорить надо, Михалыч. К профессору можно?

– Занят профессор. И вообще, ордер есть?

Самойлов усмехнулся. Старая песня.

– Михалыч, ну что ты как маленький? Мы же по-соседски. Может, чаю?

Пошли к профессору. В избе было жарко натоплено, пахло машинным маслом и ещё чем-то химическим, едим. Хозяин появился через десять минут – седая борода растрепана, на носу защитные очки, халат прожжен в нескольких местах.

– Максим Ильич, – кивнул профессор. – Чем обязаны?

– Да так, мимо ехал. Слышал, оборудование новое привезли. Для энергетики альтернативной?

В кармане майора лежал включенный дозиметр, но совершенно не поднимал никакой тревоги.

Профессор снял очки, протер тщательно. Движения точные, выверенные. Как хирург, подумал Самойлов. Или часовщик. Или сапер.

– Максим Ильич, вы же знаете, что я работаю по контракту. Все разрешения есть, налоги плачу исправно. Так что если нет официальных претензий...

– А что за контракт-то? – Самойлов изобразил дружелюбное любопытство. – Может, расскажете? А то соседи интересуются, шумите вы тут по ночам...

– Соседи? – Михалыч хмыкнул. – До ближайших соседей десять километров. Или семь, если до Богородского. Но там казаки сами «гудят» погромче.

– Звук по ветру далеко разносит, – парировал майор.

– И что, много заявлений за последнее время? За шум посторонний, – Лахенштейн посмотрел на него, как на ребенка, но потом понял – просто так не отвяжется. – И от кого? Медведи в берлоге писать не научились... пока что.

Они препирались еще минут двадцать. Самойлов пытался нащупать слабое место, профессор вежливо отбивался ссылками на коммерческую тайну. Обычный ритуал, исполняемый уже третий год. Но сегодня что-то изменилось. Оба чувствовали – время поджигает.

Выходя, Самойлов заметил у сарая снегоход «Буран». Старая, но ухоженная машина, движок явно перебран – по звуку слышно. Сани прицеплены, канистры в кузове, спальники, горелки, даже аптечка военного образца в герметичной упаковке. Собрались куда-то. И не на день-два – снаряжения хватит на неделю автономки.

– На охоту собрался? – кивнул на снегоход.

Михалыч дернулся, словно его ударили.

– Может, собрался. Может, нет. Моё дело.

– Лицензия есть?

– Есть. Я же их и выписываю.

– А напарник? Один в тайгу – нарушение правил безопасности.

– Напарник есть. Все документы в порядке. Или... Ильич, может ты со мной прока-тишься?

– Рад бы, да служба.

Самойлов ухмыльнулся и запомнил, как дрогнули пальцы егеря, когда тот достал сигареты, но так и не закурил. Такое бывает, когда человек принял решение, но еще сам себе не признался. Будто стоишь на краю и считаешь: три, два, один...

Поехать с Михалычем было бы ошибкой. Не повез бы его егеря на место. Затаскал бы по буеракам, мозги запудрил, но куда надо -не привез.

*

В машине Самойлов проглотил таблетку кетанова. Голова последнее время просто раскалывалась, но он молчал. Поморщился, вспоминая утреннюю тренировку в тире.

Он тогда поднял ствол, но прицел плясал. Руки дрожали, хотя в галерее было тепло.

Выстрел. Мимо. Еще. Снова мимо. Инструктор тогда посмотрел с жалостью.

– Максим Ильич, может, к врачу?

– Всё нормально. Просто устал.

И оба знали, что врут. После такого списывают.

Самойлов поморщился и достал планшет. Открыл программу слежения. Спасибо московским «охотникам», гостившим на хуторе в ноябре. Майор предполагал, кто они такие – Густав намекал. ФСБ, скорее всего, или военная разведка. Поставили маячки на всю технику, даже на старый нерабочий «Урал» Михалыча. Профессионал бы замаскировал передатчики получше. Или, может, хотели, чтобы нашёл обманки, а настоящие приборы – в другом месте? Черт его знает...

«Буран» не выезжал из хутора уже пару дней. Долго ли еще простоит?

Самойлов завёл мотор и поехал обратно. В участке его ждала работа – пьяная поножовщина в Каменке, угон снегохода на Болотной, – обычная текучка. Но мысли все время возвращались к хутору, как бумеранг. Возвращались то к бронированной камере загадочного «стирлинга», то к нервному егерю и спокойному, слишком спокойному профессору.

Возле дома майор долго сидел в машине, не в силах заставить себя выйти. Что-то неправильное было в воздухе – электрическое напряжение, как перед грозой, только зима же. В висках начинала собираться знакомая тяжесть. Не сейчас, подумал он. Только не сейчас.

Поднялся в дом. Разделся, рухнул на кровать не раздеваясь. Провалился в сон мгновенно – будто выключили рубильник.

До двадцать первого декабря оставалась неделя. Откуда эта дата? Почему именно двадцать первое, «очко календарное»? Самойлов не знал, но внутренний счетчик тикал всё громче: семь, шесть, пять...

На следующий день он начал собирать свой тревожный чемоданчик. НЗ на пять суток, рация с запасными батареями, навигатор, ракетницу с десятком патронов. ПМ с четырьмя обоймами – по уставу положено. Тайную «Сайгу» с оптикой – уже не по уставу, но в тайге устав писан не для всех. Белый маскхалат, лыжи, всё, как учили когда-то в Софрино, когда он был еще «вованом».

Ждать оставалось недолго. Он это чувствовал. Они все это чувствовали – и профессор, и егерь, и, наверное, тот загадочный напарник егеря. Надо будет выяснить, кто это – друзья у Михалыча немного. Что-то должно было произойти. Что-то важное.

Что именно – об этом майор Самойлов не знал. Знал только, что когда «Буран» Михалыча тронется с места – он будет готов. В конце концов, не зря же двадцать лет оттрубил в погонах. Чутьё такая вещь – либо есть, либо нет. А у майора оно было.

Глава 8.

16 декабря 2026, хутор Беленький

Михалыч отправился в путь в семь утра – когда было еще темно, но на востоке уже обозначилась серая полоса. До Северной заимки километров тридцать пять по зимнику, если срезать через болото. Летом не пройти, а зимой – самое то.

Сейчас уже был день. Шестнадцатое декабря выдалось на редкость ясным: минус двадцать восемь, ни облачка. В небе было лишь странное зимнее солнце, висящее низко над горизонтом почти у самых макушек елей. Светит, но не греет.

«Буран» взвыл, преодолевая наледь у кромки болота. Михалыч сбросил обороты – не стоило будить лес раньше времени.

Тайга стояла как театральная декорация. Лиственницы сбросили хвою еще месяц назад и теперь торчали голыми канделябрами, увешанными хрустальной бахромой инея. Между ними – ели и пихты в белых шубах, похожие на толпу сахарных великанов, застывших в немом разговоре. Воздух был таким чистым и прозрачным, что дальние сопки казались нарисованными тушью по рисовой бумаге.

Пахло смолой и морозом – тот особенный запах зимнего леса, когда холод выжимает из древесины последние капли эфирных масел. Где-то слева треснула от мороза сосна – звук как выстрел из мелкашки. Эхо покатилося по распадку, вспугнув тетерева. Тот с шумом, похожим на барабанную дробь, рванул в чащу.

– Красиво у вас, – сказала Анима, материализуясь на заднем сиденье. – Как в сказке про Снежную королеву.

– Читала Андерсена? – удивился Михалыч, выруливая между двух поваленных берез.

– Тара читала. Для изучения местной мифологии.

Девочка-кошка спрыгнула со снегохода и побежала рядом, не проваливаясь в снег. Михалыч уже привык к этим фокусам – проекция есть проекция, законы физики на нее не распространяются. Зато распространяются законы оптики: Анима отбрасывала вполне настоящую тень.

– Слушай, а у вас все такие, как Тара? – спросил он, притормаживая перед крутым подъемом.

Анима фыркнула – совсем по-кошачьи.

– Это как спросить, все ли у вас на Земле такие, как... как эти ваши офисные барышни с маникюром. Или как Зена, королева воинов. Разница примерно та же.

– В смысле?

– Ну смотри, – Анима запрыгнула обратно на снегоход, устроилась поудобнее. – Вот эти мои когти видишь? Если они есть, то по нашим законам их полагается удалять при достижении совершеннолетия. Рудимент, атавизм, пережиток варварского прошлого. Если удалить раньше – до шестнадцати местных лет – начинается деформация фаланг пальцев. Необратимая.

– И что, все удаляют?

– Почти все, у кого они есть. Это как у вас обрезание у некоторых народов. Только наоборот – удаление лишнего для вхождения в цивилизованное общество, – Анима помолчала. – Для молодой «кир-алло`ля» ходить с когтями – моветон. Как у вас – с хвостом. Отказ удалять когти стал моим первым бунтом против системы. Таре сказали тогда: «Хочешь остаться зверем – оставайся. Но помни: назад дороги не будет».

– И ты осталась.

– Как видишь. Правда, пальцы теперь... особенные. Зато я единственная из молодого поколения кир-шаан, кто может драться по-настоящему. Остальные – домашние кошечки. Милые, ухоженные, беззубые.

Михалыч хотел спросить что-то еще, но тут снегоход выскочил на прогалину, и он резко затормозил.

Посреди поляны торчало... что-то. Штук десять жердей разной высоты были воткнуты в снег под разными углами, образуя неправильный круг метров восемь в диаметре. На верхушке каждой жерди проволокой была примотана плотно закрытая металлическая бутылка.

– Твою ж... – выдохнул Михалыч. – Что за ведьмин огород?

Он слез со снегохода, достал телефон, начал фотографировать. Солнце играло на боках бутылок, отбрасывая на снег радужные блики. Красиво и жутковато одновременно. Как инсталляция сумасшедшего художника.

– Профессор, – сказала Анима, разглядывая ближайшую жердь. – Это его рук дело.

– Откуда знаешь?

– Вибрации его табака. И водорода.

– В бутылках?

– Хитро сделано. Обычные баллоны из-под CO₂, но внутри металлическая стружка – титан с железом. Нищевродский вариант интерметаллидного хранилища, но для его целей достаточно. Водород впитывается в металл как вода в губку.

Михалыч поехал дальше на север. Через полтора километра – еще одна такая же конструкция. Только здесь несколько жердей были обуглены. Черные, как после пожара, хотя снег вокруг лежал нетронутый. Бутылки на обугленных жердях попадали в снег, но были целы, кроме одной, от которой остался лишь кран и кусок баллона с изломанными краями.

– Что за чертовщина? – пробормотал егерь, доставая телефон снова.

– Аномальные зоны он отслеживает, – пояснила Анима. – Водород обычный в них превращается в... другой. Который не может поддерживать химические связи. Органика с таким водородом распадается. Отсюда и обугливание.

– Погоди, так он знает, где аномалии?

– Догадывается. Вычисляет. Ставит эксперименты. – Анима запрыгнула на самую высокую жердь, балансируя как эквилибристка. – Спроси у него сам, пока он совсем не доигрался. До двадцать первого декабря многое может случиться. И не только хорошее.

Михалыч посмотрел на север, где за тайгой должна была быть заимка. До зимнего солнцестояния оставалось пять дней. Пять дней до открытия портала. И судя по этим водородным ловушкам профессора, он был не единственным, кто готовился к этому дню. Или все не так?

– Поехали, – сказал он Аниме. – Надо успеть до темноты проверить дорогу. А с профессором я еще поговорю.

Снегоход взревел и рванул дальше на север, оставляя за собой странный лес бутылочных жердей – молчаливых стражей, отмечающих места, где реальность давала трещину.

Заимка встретила его холодом и запустением. Михалыч протопил печь, проверил запасы – все на месте, даже консервы, которые он оставил в октябре. Подлатал дыру в крыше, где ветром сорвало лист шифера. Потом вышел на крыльцо и долго смотрел на северо-восток, туда, где за стеной леса должно было случиться то самое «нечто».

Лес молчал. Но в этом молчании было напряжение, как перед грозой. Только какая гроза в декабре...

Подумав, он остался ночевать в заимке. Заодно подрубил дров, подъезжая к опушке прямо на снегоходе. Скакать по снегу на протезе желания не было.

Утром подновил конопатку стен – в углу дятел постарался. Осмотрел еще раз избушку и тронулся в путь.

Обратная дорога заняла меньше времени – Михалыч ехал по своим же следам, уже зная дорогу. Ночью насыпало немного снега, но вчерашняя колея была вполне различима.

Солнце висело низко над горизонтом, бросая длинные синие тени. До хутора оставался километр, когда он почувствовал вибрацию. Решив, что со снегоходом что-то случилось, егерь

остановился и заглушил мотор. Вибрация никуда не делась. Она поднималась из-под земли, через гусеницы, через позвоночник, заставляя зубы постукивать друг о друга. Со стороны хутора шел едва слышимый гул.

– Нехорошо это, – сказала Анима, появляясь рядом. Её прозрачная фигура мерцала, то исчезая, то проявляясь четче. – Что-то мешает проекции. Сильное поле.

– Какое поле?

– Не знаю. Но оно... неправильное, – и вдруг пропала, словно растворившись в воздухе. Михалыч завелся и на полном газу рванул к дому.

Первое, что он увидел возле профессорской избы – «Вепрь» стоял заметенный снегом под навесом. Не работал, судя по всему, со вчерашнего дня. Но в окнах горел свет!

Второе – с крыши сыпалась капель. При минус двадцати восьми! Сосульки свисали как весной, а под карнизом в снегу пробились проталины.

Третье – из вытяжной трубы валил пар. Не дым от печки, а именно пар, как из бани.

Михалыч подошел к ручью, что тек через хутор. Вода пробилась в снегу щель шириной в метр, и от нее поднимался парок. Егерь стянул рукавицу, сунул руку в воду – теплая, градусов пятнадцать, не меньше.

"Что он там делает?" – Михалыч почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от мороза – от предчувствия беды.

Михалыч постучал – три раза, пауза, два раза. Условный сигнал.

– Кто там? – голос профессора звучал напряженно.

– Свои. Михалыч.

Звук отодвигаемого засова. Профессор впустил его и тут же запер дверь. Выглядел он неважно – осунувшийся, с красными глазами, трехдневная щетина.

– Слава Богу, вы. А я уж думал...

– Кого ждали?

– Да никого. То есть... – профессор махнул рукой. – Пойдемте, покажу кое-что. Только сначала это наденьте.

Он протянул Михалычу свинцовый фартук – такие используют рентгенологи.

– Зачем?

– Фон вроде в норме, но... В общем, я перестраховываюсь.

В сенях было тепло. В жилой части – жарко. А когда он открыл дверь в пристройку, которую использовали как склад, его обдало волной горячего воздуха, как из парилки.

Помещение было завешано приборами. На стенах – дозиметры, какие-то датчики, мониторы. На полу – толстые кабели, трубы, вентили. А в центре...

Установка выглядела как помесь самогонного аппарата с циклотроном. Пять цилиндров вокруг центрального шара, опутанного трубками. Медные змеевики. Вентили. И этот звук – будто великан дышит под землёй.

– Что это? – только и смог выдавить Михалыч.

– Генератор Стирлинга! Вернее, пять генераторов вокруг центральной тепловой камеры. КПД – тридцать процентов, представляете? Но сейчас всего десять. Много тепла приходится в ручей сливать.

Михалыч подошел ближе. Жар от центральной камеры шел такой, что рядом стоять невозможно.

(Реальная схема электростанции, разрабатывавшейся NASA для лунной базы. Только в оригинальном проекте использовался радиоизотопный нагрев или небольшой урановый реактор – прим. авт.)

– И что у вас там горит? Солярка?

Профессор расплылся в улыбке сумасшедшего изобретателя.

– Водород!

– Какой еще водород?

– Помните взрыв на болоте? «Аномальный водород»! Так вот, я его разгадал. Метастабильная форма. При определенных условиях он вступает в реакцию синтеза при относительно низких температурах!

Михалыч почувствовал, как у него подкашиваются ноги.

– Вы хотите сказать...

– Да! Сложная реакция. Смотрите – я разбавляю аномальный водород обычным в пропорции один к ста. Подаю импульс высокого напряжения – и вуаля! Импульсное энерговыделение порядка десяти в девятнадцатой электрон-вольт.

– Это много?

– Как выстрел из «Макарова». Тысяча выстрелов в секунду – вот вам и киловатты. Только энергия тепловая.

– Вы с ума сошли! – Михалыч отступил к двери. – Это же... это же бомба!

– Никакая не бомба! – обиделся профессор. – Все под контролем. Видите датчики? Температура, давление, радиация – все в норме. Даже ниже нормы! Единственная проблема – энерговыделение на порядок больше расчетного. Поток энергии порядка ГэВ на кубический сантиметр в секунду, – в голосе послышались нотки истерического азарта. – Хорошо, что заранее систему охлаждения смонтировал. Хотя с сечением около килобарна для «аномального водорода» – можно было и не такого ожидать.

– «Кило» чего?

– Барн. Сечение ядерного взаимодействия. А тут целое «кило». В тысячу раз активнее, если простыми словами.

Он показал на трубы, уходящие в стену.

– Вода из ручья, через теплообменники, и обратно в ручей. Экологично!

Михалыч сел на какой-то ящик. Голова шла кругом.

– Александр Соломонович... Вы понимаете, что наделали? Если об этом узнают...

– Никто не узнает! – профессор вдруг посерьезнел. – И не должен узнать. Пока. Мне нужно еще несколько недель, чтобы все проверить, задокументировать, написать статью...

– К черту статью! Вы ядерный реактор в сарае построили!

– Не ядерный... Тут все сложнее.

Установка вдруг дернулась, загудела громче. Профессор бросился к пульту, начал крутить вентили.

– Черт, опять пошла вразнос... Так, давление в норме... Температура... Отойдите!

Центральная камера завибрировала. Дозиметры на стене затрещали чуть сильнее. Под потолком над установкой воздух начал темнеть, словно чернильная клякса.

Профессор открыл кран, наполнил колбу газом. Поднес к спектрометру.

– Дейтерий и следы гелия-3, – пробормотал он. – Но откуда... Пойдите! Тут еще тритий! Это невозможно!

– Почему невозможно?

Им приходилось почти кричать, чтобы услышать друг друга.

– Для трития нужны нейтроны. Мощный поток нейтронов! Флюенс порядка десять в четырнадцатой на квадратный сантиметр! А детектор молчит!

– Профессор, вы как на китайском. Что за флю... флюенц? Это типа грипп для атомов? Лахенштейн замолчал, поблуднев.

– Что?

– Аномальный водород существует в состоянии квантовой суперпозиции. Его протон делокализован – волновая функция размазана в пространстве на несколько фемтометров. Это позволяет ему туннелировать через барьеры, но не объясняет тритий...

– Стоп, стоп, профессор. По-русски можно? А то у меня от ваших фемтометров в голове как после контузии.

Михалыч и впрямь почувствовал головокружение. Время словно замедлилось, потом рвануло вперед. Он схватился за стену. Камера гудела все сильнее. Лампы под потолком вспыхнули неестественно ярко.

– Вам плохо?

– Голова кружится. И время... странно течет.

– Инфразвук от вибрации, – машинально ответил профессор, но сам выглядел встревоженным. – Хотя... Смотрите!

Он указал на стену. Электронные часы показывали 18:23, мигнули, показали 88:88, потом погасли совсем.

– Помехи?

– Не уверен... Так... – он замер столбом. – А если аномальный водород периодически «мерцает» между состояниями? На квантовом уровне он существует как суперпозиция протона и нейтрона. При коллапсе волновой функции часть атомов становится нейтронами на доли наносекунды. Этого достаточно для образования трития. Логично!

– Александр Соломоныч, – устало сказал егерь, – вы сейчас как политрук перед атакой – много слов, мало смысла. Давайте на пальцах: это херня опасная или нет? Рванет – останется воронка? Или просто шарахнет как «Муха»?

– «Муха»? Какая муха?! Я говорю о фундаментальных константах Вселенной!

– «Муха» – гранатомет. «Пух! П-ш-ш-ш... БАХ!» – и от БТРа рожки да ножки. Так вот, ваша хреновина – она как «Муха» или как «Град»? Локально шарахнет или по площадям?

– По вашей классификации... скорее как тактический ядерный заряд малой мощности.

– Вот теперь понятно. «Малыш» в сарае, блин. А вы мне про константы...

«Все, трндец! – подумал егерь. – Доигрался хрен до ручки. Теперь тут такой кипеш будет – мама не горюй. Придут товарищи в погонах, начнут копать. А копнут – найдут столько, что нам с профессором светит... Ни черта не светит! Или в «крытку» на Колыму, или... А если про инопланетян пронюхают... Тут уже в лучшем случае – «химия» до конца дней в какой-нибудь шарашке. В худшем... А в худшем и думать не хочется.»

Под потолком раздался глухой хлопок. Две лампы взорвались стеклянным фейерверком, вниз дождем посыпались осколки. Дозиметры зашлись писком. Михалыч потащил профессора к выходу.

– Вырубайте эту хрень! Сейчас же!

Профессор дернул рубильник. Ничего. Еще раз. Гул нарастал. Здание ощутимо затрясло.

– Не выключается! Контакты приварило!

Михалыч схватил пожарный топор. Рубить силовой кабель под напряжением – почти верная смерть. Но пошедший вразнос реактор – тоже смерть!

Егерь проверил древко – на ощупь сухое. Сорвал со стула резиновый коврик и швырнул на землю – дополнительная изоляция. Размахнулся и рубанул что есть силы, сразу отпрыгнув назад. Ослепительная вспышка. Грохот до звона в ушах. Брызги расплавленной меди. Топор вырвало из рук – половина лезвия испарилась. Но кабель был перерублен.

«Повезло» – выдохнул егерь, разглядывая обугленное древко на земле. В глазах у него плясали «зайчики».

Гул прекратился. Помещение погрузилось в полумрак, только по углам горели аккумуляторные светодиодные лампы.

– Вот это и есть проблема, – выдохнул профессор, вытирая пот. – Реакция нестабильна. Идет волнами. Иногда затухает совсем, иногда идет в разгон. Я пытаюсь найти оптимальный режим, но...

– Играете с огнем вслепую, – прохрипел Михалыч.

Ему люто хотелось врезать профессору по физиономии.

– Вы ведь были абсолютно правы, Иван Михайлович, – вдруг потерянным голосом сказал Лакенштейн. – В МИФИ нас учили – любая плазменная установка может стать бомбой. На сороковой кафедре это вбивали с первого курса.

— И что же?

— Я нарушил все протоколы безопасности. Савранский меня бы убил своими руками. Причем убивал бы медленно, читая при этом лекцию аудитории.

(Савранский – реальный завкафедрой. Прим. авт.)

– Так какого ... ?! – с трудом сдерживаясь, процедил егерь.

– А что мне еще делать? – вспыхнул профессор. – Опубликовать статью? «Уважаемые коллеги, я нашел новую форму водорода, которая нарушает законы физики»? Меня в психушку упекут! Или хуже – спецслужбы заинтересуются.

Он сел на ящик, потер виски. И вдруг его вырвало прямо на земляной пол, мучительно почти до судорог. В воздухе повис омерзительный кислый запах, смешанный с запахом паленой изоляции. Минут пять профессор тяжело дышал.

Михалыч взял в углу ведро с песком и присыпал зловонную лужицу.

– Все... Хватит на сегодня, – прохрипел Лакенштейн. – Пойдемте пить чай.

Он попытался встать, но ноги подкосились. Михалыч подхватил профессора под руки, усадил обратно на ящик. Затравленно оглядел сарай – дозиметры на стенах мигали зеленым и молчали. Только один попискивал – возле самого реактора.

Профессор сидел, согнувшись пополам. Дважды его снова рвало – уже желчью. Только через полчаса смог подняться, опираясь на стену. На кухню шли медленно. Лакенштейн останавливался каждые несколько шагов, хватаясь за стену. На лестнице пришлось отдыхать – ноги не держали.

На кухне он опять долго сидел, облокотившись спиной о стену и прикрыв глаза.

– Смотрите. В чистом виде аномальный водород взрывоопасен, да вы сами помните... – заговорил он наконец шепотом. – Но если его разбавить обычным водородом, то он почти не вступает в термоядерную реакцию. Представьте... ч... что протон, ядро водорода... который обычный... это узел на веревке. Не развяжешь. Но аномальный водород меняет локальную метрику пространства, и узел сам собой распускается. Потом оставшееся мизерное количество «аномалки» сгорает уже в УТС. Управляемый термоядерный...

Егерь молчал.

– Я знаю, о чем вы думаете, Иван Михалыч. Незаконное производство расщепляющихся материалов. Статья 220 УК. До семи лет. Но это не расщепляющиеся материалы! Это вообще не материя в обычном понимании. У меня есть подозрение...

Он замолчал, глядя в стену.

– Какое подозрение?

– Что это вещество не совсем отсюда. Не из нашей реальности. Знаете теорию струн? Многомерность пространства? Так вот, похоже, аномальный водород – это обычный водород, но сдвинутый по одной из свернутых размерностей. Как тень шара на плоском листе бумаги. Только наоборот.

Михалыч молча смотрел на него. Профессор попал почти в точку, сам того не зная.

Лакенштейн, которому стало легче, жестом пригласил егеря вернуться на склад. Там уже стало чуть прохладнее, но все еще было очень жарко. Профессор открыл какой-то кран, наполнил колбу бесцветным газом. Потом взял люминесцентную лампу со стола, вскрыл ее, откачал воздух ручным насосом и закачал газ из колбы. Лампа засветилась мягким голубоватым светом.

– Все же третий, – вздохнул он. – Не врет прибор. Радиоактивный, но слабо. Период полураспада – двенадцать лет. Можете проверить дозиметром – фон в норме.

Михалыч взял дозиметр со стены, поднес к лампе. Действительно – чуть выше естественного фона, не опасно.

– Но это еще не все, – Лакенштейн заговорщически ухмыльнулся.

– И что еще?

– В конце прошлого века один мексиканец предложил теорию варп-двигателя...

– В Мексике? Варп?

Профессор посмотрел на него, как на ребенка.

– Теория Алькубьерре объясняет движение быстрее света. За счет изменения метрики пространства. Но для этого нужно вещество с отрицательной массой. Вы это понимаете?

Последние слова он выдал с трудом, словно его опять скрутил спазм. Посмотрел на егеря. Тот сидел, словно язык проглотил.

– А для тупых можно? – спросил наконец Михалыч.

– Итак нужна отрицательная масса. Но есть варианты. Если локально изменить плотность энергии вакуума, то можно создать асимметрию пространства. Сжать его с одной стороны, расширить с другой. Эффект тот же, но без экзотики. Как эффект Казимира...

Профессор сделал несколько шагов туда-сюда по комнате.

– И аномалия всегда в воздухе, – рубил он воздух ладонью. – Почему – непонятно. Захвати она торф... да хоть воду – и «аномального водорода» получилось бы море... И держатся эти аномалии максимум неделю-две, потом исчезают.

«Просто Путешественник – не идиот, – думал Михалыч. – Тут как раз все понятно...»

– То есть это не отрицательная масса, а... что? – спросил он вслух.

– Ключ к управлению метрикой пространства. Инструмент для создания искривлений без массы. Понимаете? Мы можем делать то, что раньше могли сделать только черные дыры, но нам не нужна их запредельная масса!

Егерь вздохнул. Сдавать федералам Лакенштейна было поздно, ибо сам уже по макушку вляпался. Надо было или ждать, или драпать. Или просто пристрелить профессора, а дом спалить к чертям вместе с реактором. Но это был не вариант.

Еще из угла на все происходящее таращился своими окулярами наблюдательно-аналитический комплекс «НАК-700». И он был до сих пор активен.

«Что успел записать? Надо будет вытащить карту памяти. Но оставить опасно, удалить – подозрительно, – думал Михалыч. – А ведь талантище! Пусть без Путешественника его открытие не применить, однако... В древности люди боялись огня, и лишь один осмелился принести горящую ветку пылающего от молнии дерева. Лишь гениальный фанатик может проложить дорогу за пределы мыслимого.»

На стене висела фотография женщины и девочки-подростка. Раньше егеря ее не видел.

– Семья? – спросил Михалыч.

– Мать и сестренка. Были. Чернобыль, 1986. Я тогда был аспирантом в Москве, изучал физику... впрочем я уже говорил... Так вот, после аварии бросил все, поехал их вывозить. Опоздал на три дня. Мама получила дозу. Сестра вроде нет, но через тридцать лет ее все равно догнало. Рак крови. Она сгорела за три месяца. Знаете, что самое страшное? Я всю жизнь изучаю радиацию, а родных от нее спасти не смог.

Лакенштейн поежился, и вдруг его пробила крупная дрожь. Лишь через минуту его лицо приобрело осмысленное выражение.

– Иногда я слышу её голос, – профессор смотрел в пустоту. – Мамин голос. Говорит – остановись. Но я не могу. Понимаете? Не могу! Иногда думаю – может, мама специально умерла после Чернобыля? Чтобы не видеть, как я совершаю ошибки?

Он не договорил. По лицу текли слезы, смешиваясь с кровью из носа.

Михалыч никак не комментировал этот бред. После трех дней недосыпа и галлюцинации будут нормой. Еще у него начала болеть голова. Потрогал нос – так и есть, тоже кровит немного.

Они вернулись на кухню, выпили по чуть-чуть спирта из фляжки Михалыча. Руки у обоих дрожали.

– Сколько наловили? – надрывно спросил Михалыч.

Профессор взглянул на свой нагрудный дозиметр:

– Полтора миллизиверта. За все десять минут у реактора...

– Это много?

– За раз – терпимо. Но я тут каждый день по несколько часов... – профессор достал потрепанный блокнот, записал показания. – За неделю набралось... так... около четырех рентген.

– Четыре рентгена?! Вы с ума сошли! – только военная закалка удерживала егеря от паники.

– Предельно допустимая доза для персонала АЭС – пять рентген в год. У меня пока в пределах нормы.

– Нормы для АЭС, а не для сарая! Четыре рентгена...

– За неделю. Но это не так много, как кажется. При компьютерной томографии получают до трех рентген за раз.

– КТ делают раз в год, а не каждый день! У вас же лучевая болезнь начинается!

– Пока только легкая степень. Тошнота, слабость... Если остановлюсь сейчас, восстановлюсь за пару месяцев.

– А если не остановитесь?

Профессор не ответил, но в его молчании был ответ. Он встал, покачиваясь, достал из настенной аптечки несколько таблеток и шприц.

– Это что?

– Йодистый калий, антиоксиданты и противорвотное. Помогает... немного.

– Покажите десны.

– Зачем?

– Покажите!

Профессор неохотно оскалился. Десны были бледные, с красноватыми точками. Начальная стадия кровоточивости.

– Анализ крови когда делали?

– Не помню. Крайний раз лейкоциты на нижней границе нормы. Тромбоциты тоже.

– Вы себя убиваете.

– Я делаю открытие века! – вспыхнул профессор, но тут же сник. – Простите. Вы правы. Но мне нужно еще день. Потом сделаю перерыв, честное слово.

Профессор рассказывал про свои расчеты, про моделирование на компьютере, про то, как нашел оптимальную пропорцию смеси. Михалыч слушал, но думал о другом.

О том, что через несколько дней должен открыться портал. О том, что профессор играет с силами, которых не понимает. О том, что «ведьмины круги» с бутылками – это ловушки для аномального водорода. О том, что мир, который он знал, уже никогда не будет прежним.

Наконец Михалыч встал.

– Мне надо подумать, – глухо сказал он. – И мой вам ультиматум: остановитесь сейчас, пока не поздно. Или хотя бы сделайте перерыв, если не понимаете, что есть вещи, которые лучше не трогать. Иначе не уживемся тут.

– Это же прогресс, Иван Михалыч! Чистая энергия! Решение всех проблем человечества!

– Или начало новых, – буркнул егерь и шагнул к дверям.

– А дорога к звездам стоит того? – хрипло сказал ему в спину профессор.

Михалыч на мгновение замер, но не обернулся. И ничего не ответил.

На улице было морозно и тихо. Только над крышей профессорского дома лохматым столбом стоял пар, да в ручье журчала теплая вода. Михалыч постоял, глядя на звезды. Потом пошел к себе.

Достал из шкафа свою тетрадь. Пролистал, пока не нашел свободное место. Сделал запись.

«Тара, я помню тебя сердцем, душой и телом! Надеюсь, что через несколько дней увидимся. Жаль, что не заглядываешь на огонек, но служба есть служба! Принципы уважаю. Надеюсь, что ты в курсе про художества профессора. Если нет – беда!»

Это было самое длинное послание, которое он сочинил любимой за все последнее время.

Михалыч закрыл тетрадь. У него есть менее пяти дней, чтобы решить – рассказать профессору правду или позволить ему играть в свои игры с огнем. С термоядерным огнем, в сарае и на краю портала между мирами!

Во дворе снова появилась Анима. Она мерцала и искажалась, словно изображение на телевизоре при плохом приеме.

– У нас проблема. Реактор не остановился.

– И что будет?

– Есть угроза рекурсивного пробоя. Это как делить на ноль. Только хуже.

– Что с ним?

– Остаточное тепло и радиация, – Анима пропала, но тут же возникла вновь. – Изотопы распадаются. Иницируют оставшийся аномальный водород.

И снова пропала.

*

Ночью Михалыч вернулся к дому профессора. Достал из рюкзака термитную шашку – армейский запас. Он собирался уже поджечь фитиль, как Анима вдруг возникла прямо рядом с ним. Она выглядела ясной и бодрой.

– Постой! – прошептала она. – Уже не надо.

– Почему?

– Он угас. Сам. Только что.

– Его все равно надо спалить.

– Нет! Я посмотрела – там рядом контейнер. Из тех, что на палках торчали. С чистым. Он смесь на месте готовил. И по дому еще припрятано пятнадцать полных. Весь хутор в пыль разнесет!

Егерь призадумался – резон в ее словах был. Мощную силовую проводку так просто не починить, а с учетом состояния здоровья профессора – и подавно.

– Но кто же...

Анима ничего не сказала, только указала пальцем за спину. Михалыч обернулся и увидел в темноте смутно различимую человеческую фигуру, стоявшую в дверях его дома. Незнакомца было бы сложно опознать, не будь на нем зеркальной маски, пустившей блик.

– Э! – крикнул Михалыч. – А ну стой! Куда?!

Гость так же неспешно развернулся и скрылся в егерском доме, прикрыв за собой дверь. Михалыч кинулся за ним, но дома не обнаружил никого. Кладовка на этот раз была даже не заперта – видимо не успел. Оттуда явственно несло холодом и озоном.

Михалыч посмотрел в зеркало. Белки глаз покраснели, в уголках – лопнувшие сосуды. Десны ноют. На носовом платке остались красные прожилки.

«Сколько у меня времени?» – подумал он.

Егерь достал армейский ЗИП. Радиопротекторы – три ампулы. Йодид калия. Проверил срок годности – сойдет на черный день. Достал дозиметр с Семипалатинска, старый, но рабочий. Если завтра профессор снова включит реактор – он его остановит. Любой ценой. Водород.

род выпустить в атмосферу, реактор сжечь. И... готовиться бежать, потому что если и впрямь заявятся силовики – уже не отбояриться.

А что делать со стариком? Хороший вопрос, но есть еще лучше: что будет, если ничегоне делать?

Вернувшись в комнату, егерь заметил на столе две закрытых бутылочки из-под настойки боярышника с наспех ободранными этикетками. Рядом лежала записка.

«Иван Михайлович! Это «Очиститель» с добавками под вашу ситуацию. Из лаборатории Тары. Она просила вам передать, что половину флакона примите сегодня, половину – завтра. Второй дайте профессору, но с повторной дозой потяните до ухода к portalу – пусть пока полежит, чтобы еще проблем не наделал. Действие препарата можете узнать у вашего друга. После приема постарайтесь сильно не бухать и не курить совсем. Решать вам.

П.»

Егерь только крикнул. Ведь он сам погасил реактор. Никаких «чистильщиков» не понадобилось... Сомнений не было: Великий Путешественник вновь отвел страшную беду, причем беду «многомерную». Вся надежда была на этот самый «очиститель», иначе профессору опять светила больница. И неудобные вопросы.

Михалыча пробил по спине холодок: что будет на третий раз? Но рефлексировать было некогда.

«Примите сегодня... Второй дайте профессору...». Значит, и его зацепило. Михалыч прислушался к себе. Вроде ничего – ну, может, слабость небольшая, но это скорее от всего пережитого. Хотя... Он провёл ладонью по лбу. Горячий. И во рту этот металлический привкус.

Флаконы стояли на столе, как два стеклянных обвинения. Прозрачная жидкость, никаких опознавательных знаков, только грубо ободранная этикетка «Нас... ..ника».

Михалыч вскрыл первый флакон. Понюхал – без запаха.

– Ну, с Богом, – пробормотал он по-солдатски.

Выпил дозу залпом.

Сначала ничего. Потом – будто кто-то провёл по нутру наждачной бумагой. Михалыч согнулся, хватая ртом воздух. Перед глазами поплыли радужные круги. Минута, две, три... А потом начался вояж, как у доктора Семенова в ту памятную ночь в больнице.

Отпустило его лишь через полчаса. Причём резко, как отрубил. Слабость исчезла, металлический привкус тоже. Зато появился волчий голод. До одурения хотелось сладкого. Михалыч выпрямился, удивлённо моргая. Надо же, работает.

Второй пузырек он сунул в карман и побежал к профессору.

*

Лаборатория встретила его тишиной. Никакого гудения приборов, никакого мерцания экранов. Только слабый стон из-за перегородки в жилую зону.

Профессор лежал на топчане, подтянув колени к животу. Лицо серое, на лбу испарина. На полу смердела лужица рвоты. На подушке – кровавые пятна.

– Александр Соломоныч, – егерь опустился рядом. – Держитесь?

Профессор приоткрыл глаза.

– Кажется... я переоценил... свои силы, – выдохнул он.

Профессор приоткрыл глаза. В них был страх – не смерти, а непонимания.

– Я... что происходит...

– В больницу надо?

– Нельзя... – профессор сглотнул. – Они спросят...

– Вот именно, – Михалыч достал флакон. – Есть вариант. Экспериментальное средство. От знакомых медиков. Но гарантий – ноль.

– А если не поможет?

– Тогда вы едете на «Скорой» и объясняетесь с ментами. А я сваливаю в тайгу.

Лакенштейн закрыл глаза. Молчал долго – так долго, что Михалыч уже решил, что старик потерял сознание.

Наконец протянул дрожащую руку.

– Давайте... И Сократ не знал, что будет после цукуты.

– Он задвухсотился, – заметил Михалыч, открывая пузырек.

– Зато остался в истории, – профессор попытался улыбнуться. – Впрочем, я предпочёл бы остаться в настоящем.

Выпил. Скривился.

– Мерзость...

– Лекарства все такие, – егерь лихорадочно озираясь в поисках ведра.

– Откуда оно у вас?

– Потом... Где ведро?

– Та-ам вот... Ах-ха-ках-кахе... Ы-а-а-а!!!

Михалыч еле успел подставить ведро и наклонить голову профессора вниз. Механически отметил, что в рвотных массах была слизь, прожилки крови, но ни следа «очистителя», словно тот всосался мгновенно.

Следующие полчаса были адом – профессора выворачивало так, что егерь невольно вспомнил Ростовский госпиталь. Там так же «чистили» отравленных.

Наконец спазмы отпустили.

– Легче? – спросил Михалыч.

Профессор кивнул, не открывая глаз.

– У меня есть время? Если ваше зелье не убьёт меня в ближайшее время...

– Слезайте и садитесь скорее на ведро! – зашипел егерь. – Ща второй акт будет!

Михалыч помог ему сесть, придерживая, чтобы не упал. Комната наполнилась такими миазмами, что щипало в носу и слезились глаза. У егеря всплыло в памяти, как сидели на позиции, а поле перед ними было усеяно телами, как своими, так и вражескими. Стояла жара под сорок. Серая зона простреливалась с обеих сторон. Хоронить погибших было некому. Жуткую трупную вонь егерь так и не смог забыть, хотя минули годы. Вот и сейчас на языке возник мерзкий привкус, который особо донимал его в первый год после дембеля.

Так продолжалось еще с полчаса, пока спазмы наконец не отпустили тщедушное тело Лакенштейна.

– Легче... – прошептал профессор.

– Отпустило?

– Кажется, да. Тошнота прошла. Головокружение тоже. Это... нормально?

– Откуда я знаю? В армии нас учили – работает, и ладно. Не работает – туши свет.

Профессор осторожно сел, затем встал, держась за стену. Сделал несколько шагов.

– Невероятно... Час назад я думал...

Он замолчал, глядя на свои руки. Тремор почти прошёл.

– Про реактор забудьте, – жёстко сказал Михалыч. – И про водород. И вообще про всё.

– А если Краузе спросит?

– Скажете, что эксперимент провалился. Результатов нет.

– Врать?

– Жить хотите? Выбирайте.

Лакенштейн снова сел на топчан.

– Потрясающе... – он замолчал, подозрительно глядя на Михалыча. – Что это было? Экспериментальный радиопротектор?

– Что-то вроде.

– «Что-то вроде»? – профессор прищурился. – Знаете, Иван Михайлович, я сорок лет в науке. Таких препаратов не существует. Выведение радионуклидов занимает недели, а тут... минуты.

– Может просто полегчало от противорвотного?

– Не врете мне! – вспыхнул Лакенштейн, но тут же схватился за стол. – Простите. Но я же чувствую... это не обычное лекарство. Откуда оно?

– От друзей. Которых вы в корень зае... Которых вы достали своими фокусами.

– И эти друзья имеют доступ к препаратам, опережающим современную медицину лет на сто?

– Александр Соломонович, вы сами всё понимаете. Зачем вопросы?

Профессор покачал головой.

– Нет, не понимаю! Вы хотите, чтобы я поверил в... во что? В тайную лабораторию? Военные разработки? Или... – он замолчал, вспомнив что-то. – Погодите. Аномальный водород. Вы сказали, что друзья недовольны, потому что я «лезу куда не просят». Но кто эти друзья? КГБ? ЦРУ?

– Холодно. КГБ давно нет. Если узнает ЦРУ – нас похитят и запытают.

– Тогда кто? – профессор встал, прошёлся по комнате. – Знаете, что я думаю? Аномальный водород – не природное явление. Кто-то его создаёт. Специально. Для экспериментов. И вы... вы их агент?

Михалыч усмехнулся.

– Я егерь. Инвалид на пенсии с протезом вместо ноги. Какой из меня агент?

– Прикрытие, – упрямо сказал профессор. – Идеальное прикрытие. Кто заподозрит инвалида в глухой тайге?

– Думайте что хотите. Главное – не включайте реактор.

– А если включу?

– Тогда следующий раз никакие «друзья» не помогут.

Профессор снова потер виски.

– Мне нужно подумать. Всё это... слишком. Может, я схожу с ума от радиации? Может, вас вообще нет, и я разговариваю сам с собой?

– Может быть, – пожал плечами Михалыч. – Проверьте утром. А пока отдыхайте. По свету зайду.

Егерь направился к двери.

– Иван Михайлович!

Тот обернулся.

– Ваша спутница... Рыженькая такая, стройная...

– Её зовут Тара.

– Она тоже... связана с вашими друзьями?

Михалыч помолчал, подбирая слова.

– Скажем так – она знает о моих друзьях больше, чем я сам.

– Она не русская?

– А вы как думаете?

Профессор внимательно посмотрел на него.

– Знаете, я её видел всего пару раз, но... что-то в ней необычное. Движения слишком плавные. И глаза... словно она видит больше, чем мы.

– Просто хорошая физподготовка.

– Не смейтесь надо мной! – профессор встал. – Я не идиот. Аномальный водород, который нарушает законы физики. Лекарство из будущего. Ваша загадочная подруга. И эти... Водород... Метрика... Словно кто-то приходит и уходит, используя искривление пространства.

Михалыч молчал.

– Они ведь не отсюда? – почти шёпотом спросил профессор.
– А если так, – медленно сказал егерь, – что бы вы сделали?
– Я... не знаю. Наверное, сошёл бы с ума от восторга. Или от ужаса. Контакт с иной цивилизацией...

– Который лично для нас может закончиться в морге, в «дурке» или в подвале на Лубянке. Это если повезёт.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– И не отвечу. Некоторые двери лучше держать закрытыми, Александр Соломонович. Ваш сын правильно говорил.

Профессор побледнел.

– Откуда вы знаете, что говорил мой сын?

– Стены тонкие. Но он был прав – некоторые вещи знать опасно. Опасно для здоровья, для жизни, для... рассудка.

– Но наука...

– Наука подождет. А вот злодеи – нет. Скажите лучше, вы сами придумали жарить водород в аномалии или посоветовал кто? Вспоминайте, а я пока говно вынесу, – кивнул он на смердящее ведро.

Профессор кивнул и откинулся на подушку. Егерь вернулся минут через двадцать, неся в руках кружку с травяным чаем.

Лакхенштейн поднялся, поблагодарил и стал мелкими глотками пить ароматный настой, завернувшись в одеяло. Егерь хотел было проветрить помещение, но вспомнил, что «лучевая» подрывает иммунитет, и профессор может банально простыть.

– Померял дозиметром ваше ведро – фонило втрое от нормы.

– Благодарствую! – шепотом ответил профессор. – Краузе...

– Что «Краузе», – повернулся к нему Михалыч.

– У нас с ним был разговор... по телефону... после того, как он уехал...

– Дальше.

– Я искал варианты, как... неважно...

– И он?

– Он предложил снять спектр водорода внутри спорной зоны. Простая молекула. Легко заметить отклонения...

– Бинго! – шелкнул пальцами егерь.

– Объясните?

– Смотрите, – начал егерь. – Вам через полстраны привозят дорогое и редкое железо. Без документов. Под честное слово! Никто не прикопался по дороге. И что потом? Ваши дроны стали летать вдвое чаще – раз. Загадочный взрыв «без последствий» – два. Видеокарты на миллион, потом еще железа на миллион – три. Да какого железа! И ваш заказ сделали нереально быстро – четыре. Мало?

– Ч-черт...

– Ага, именно! Ежу понятно – вы что-то нашли. Тоеда почему мы еще живы и на свободе?

– И почему же?

– Им нужны ваши результаты. Детали технологии. Вы сами. Выбросьте нахрен весь водород!

– Но он же бесценен для науки!

– Это улика и приговор. Новых аномалий вам не светит: друзья стали подчищать за собой. Накладно, но кто же знал, что такой умник сыщется? И еще вопрос...

– Валяйте... добейте уж старика...

– Зачем добивать? Я считаю, что ваши исследования бесценны для науки. Так вот, откуда ваш сын так хорошо осведомлен? Я слышал часть разговора. Он точно знал, с чем вам предстоит столкнуться.

– Не знаю, клянусь вам, – шепотом ответил раздавленный Лакхенштейн. – Иван Михайлович, мне бы очень хотелось побыть одному. Прошу вас.

– С утра зайду. Доброй ночи!

– Доброй...

*

Михалыч вышел во двор. Морозный воздух обжег легкие – было чудо как хорошо после лютотой вони в доме профессора.

– Доигрался старый хрен, – пробормотал он. – Пока жареным петухом в одно место не клонет, не успокоится.

Дома он достал тетрадь, сделал запись:

"Тара, профессор совсем края не видит. Пришлось колоть карты. Надеюсь, не обидишься. Иначе бы он себя угробил, а нас подставил.

П. передал лекарство – помогло. Что дальше делать с этим отморозком от науки – ума не приложу.»

Потом сел к окну, глядя на дом профессора. Над крышей больше не поднимался пар – реактор остыл. Но Михалыч знал: это затишье перед бурей.

Потом он пил чай, съев два стакана меда – после «очистителя» невыносимо хотелось сладкого. Под чай полистал Уголовный Кодекс. Мысли вновь потекли тягучие и мрачные.

Если выяснится, что они знакомы с Путешественником, то обвинят в сокрытии стратегически важной информации – вот и статья 275, госизмена. Хотя нет... Существо, способное ходить между мирами, вряд ли окажется в правовом поле страны. Но...

Могут обвинить не в госизмене, а в нарушении какой-нибудь «Галактической конвенции о контроле за аномальными субъектами», если такая существует. И тогда все печально. Реальный суд будет не в Москве, а где-нибудь на темной стороне Луны.

Для грешной Земли была статья 281 – диверсия. Если решат, что профессор с егерем – сообщники, то будет часть третья, «радиоактивная» – это пожизненное для обоих. И ведь легко припаяют! Как минимум – чтобы присвоить наработки и убрать лишних свидетелей существования Путешественника. А сколько и какой «жизни» отмерено осужденным в «камер-пажи» – Бог весть.

Он еще раз прокрутил ситуацию. Если власти не знают про Путешественника, то ему светит расследование и тюрьма. А если знают? Если реактор профессора – приманка? Тогда единственное, почему его, егеря, еще не арестовали – он тоже приманка! Червяк на крючке. Только вот кого ловят? Путешественника? Тару? Кого-то, кого он не знает?

Михалыч походил по комнате. Собрал в кучу все оставшиеся в доме сигареты, свои старые записи, кроме учетной тетради, книги, которые посчитал спорными. Сгреб все это в охапку и зашвырнул в печку.

Минуту спустя в топку полетел и Уголовный Кодекс. Дальше что-то искать в этой книге смысла не было. От души поворотив книжку кочергой, он стал готовиться к отъезду.

Пока разбирал снаряжение, ему пришла в голову еще одна странность. Путешественник годами использовал хутор как перевалочную базу. Думал – глухое место, никто не заметит. И вот профессор не просто заметил, а создал целую систему отслеживания. Ну, с Краузе теперь понятно – провокатор, привозит кучу железа. Но с ним приезжает сын Лакхенштейна, с которым они давно не виделись, и который сразу начал отговаривать отца от исследований!

И стоит ситуации стараниями профессора скатиться в фатальный тупик – появляется Путешественник и всех спасает. Причем уже дважды! Более чем странные совпадения.

Егерь быстро выдохся, смертельно захотелось спать. Он проверил печь, запер дверь и завалился на кровать. Завтра нужно будет ещё раз поговорить с профессором. И, возможно, принять решение, от которого зависит больше, чем жизнь одного хутора.

Но это – завтра. А сегодня он просто уставший мужик с протезом вместо ноги, который спас одного идиота-учёного от лучевой болезни и, возможно, предотвратил катастрофу.

– День как день, – пробормотал он, проваливаясь в сон. – В армии и не такое бывало...

Глава 9.

19 декабря 2026, хутор Беленький

Короткий зимний день постепенно перешел в сумерки. Наступил декабрьский вечер, унылый, темный и бесконечный. Профессор возился с приборами, делая вид, что не слышит, как Михалыч вошел в лабораторию. Он тестировал дозиметры, поднося к ним с разных сторон плоскую коробочку Ц37-01 – контрольного источника радиации на основе цезия. Реакция была предсказуемой – возмущенный треск, и снова фоновый уровень. Разворачивал детекторы так, чтобы реактор не светил в мертвые зоны.

– Чай будешь? – спросил Лахенштейн, не оборачиваясь.

– Некогда. Завтра рано выезжать.

– На охоту?

– Типа того.

Профессор усмехнулся. Отложил отвертку, повернулся. В руках Михалыча был стеклянный пузырек, такой же, как и в прошлый раз, с грубо ободранной этикеткой.

– Вторая доза очистителя, – егерь поставил флакончик на стол. – Окончательно закрепит результат. Выпьешь завтра в полдень. Весь, до капли.

– А третья?

– Третьей не нужно.

Они посмотрели друг на друга. Профессор – седой, усталый, в прожженном халате. Егерь – в зимнем камуфляже, собранный.

– «Стирлинг» запустишь? – спросил Михалыч, кивая на установку в углу.

– Один раз. Но не сейчас. И только на малой мощности. Чтобы друзей не нервировать.

Михалыч пожал плечами. Прошел к окну, посмотрел на лес. Где-то там, в сорока километрах, готовился открыться портал. Дверь в другой мир. Или из другого мира – смотря с какой стороны смотреть.

– Знаешь, Саш, – начал егерь, всё ещё глядя в окно, – я ведь обещал присматривать. Когда ты сюда приехал, помнишь? Ты тогда сказал: «Мне нужен только покой для работы». А я ответил...

– «Покой будет, но недолгий», – закончил профессор. – Помню, Вань. Ты оказался прав.

– Я часто оказываюсь прав. Это моё проклятие.

Повисла пауза. Профессор достал из ящика бутылку коньяка, две рюмки. Налил.

– За науку? – предложил тост.

– За тех, кто остаётся, – поправил Михалыч. – Но только по одной. После «Очистителя» не полезно.

Выпили. Коньяк был хороший, французский. Из тех запасов, что профессор берёт для особых случаев.

– Майор меня беспокоит, – сказал Михалыч, ставя рюмку. – Что-то с ним не так.

– И?

– И ничего. Твоя задача – не светиться и не взорваться.

– Это так важно?

– Это единственное, что важно. Всё остальное... – Михалыч махнул рукой. – Всё остальное уже не имеет значения.

Профессор кивнул. Понял. Егерь уходит навсегда. С Тарой, с доктором – неважно с кем. Уходит в какую-то дверь, которая откроется завтра.

– Ключи от оружейной комнаты в столе, средний ящик, – Михалыч застегнул рюкзак. – Если какие злодеи заявятся – там есть чем отбиться. Но лучше не геройствовать. Документы на

хутор в сейфе, код знаешь. Официально я в тайге, на охоте. Пропал без вести. Через месяц объявят розыск, через три – признают погибшим.

– Ты всё продумал.

– Я всегда всё продумываю. Привычка.

Профессор встал, протянул руку:

– Спасибо, Вань. За эти годы. За защиту. За молчание.

Михалыч пожал протянутую руку. Крепко, по-мужски.

– Взаимно, Саш. Твоя установка... она ведь не просто генератор?

– Нет.

Они снова посмотрели друг на друга.

– Если вернусь – не удивляйся, – сказал Михалыч. – Планы имеют свойство меняться.

– Если вернёшься – коньяк будет ждать.

– Французский?

– Армянский, но лучше французского. Французский мы только что допили.

– Это как?

– Из личных подвалов Роберта Кочаряна, второго президента Армении. Только не спрашивай, как он ко мне попал.

Михалыч усмехнулся. Поправил куртку, пошел к двери. На пороге обернулся:

– Саш, что бы завтра ни случилось – ты ни в чём не виноват. Запомни это. Мы все делаем выбор, и каждый отвечает только за свой.

– Даже если этот выбор откроет дверь для вторжения?

– Даже если, – Михалыч вздохнул. – Двери открывают не для вторжения. Их открывают для тех, кто хочет войти. А уж кто войдёт, это другая история.

Профессор хотел что-то ответить, но не успел. Егерь уже вышел на улицу. Только скрипнула дверь, да снегом с порога запорошило.

Лакхенштейн долго стоял у окна, глядя, как фигура в камуфляже растворяется в темноте. Потом вернулся к приборам. Стал рассматривать карты тепловых снимков местности, составленных дронами. Особенно его привлекло пятно повышенной температуры возле Селищенской балки.

Профессор открыл флакончик, понюхал. По-прежнему никакого запаха не было.

«Очиститель». От радиации? Или от чего-то другого? Неважно. Михалыч сказал выпить – значит, выпьет. В конце концов, доверие и уважение – это все, что у них осталось.

А завтра... завтра будет видно.

Профессор вернулся к компьютеру и снова стал рассматривать тепловые пятна. Так, не придя ни к каким выводам, лишь махнул рукой и отправился спать. Время покажет.

*

Двадцатого декабря разыгралась метель. Из-за нее выехали поздно, лишь в половине двенадцатого утра, когда было уже светло, и ветер начал стихать. Михалыч закрепил сани к «Бурану». В санях, укутанный в три спальника, сидел доктор Михаил Иванович – городской человек, непривычный к таежным переходам.

– Может, останешься? – в последний раз спросил егерь.

– Поздно метаться, – доктор поправил ушанку. – Да и любопытно же. Всю жизнь роды принимал, а тут – портал между мирами. Тоже ведь роды, если подумать. Переход из одного состояния в другое.

– Философ хренов...

– А ты думал? Гинеколог без философии – как снайпер без оптики. Вроде и стрелять может, а толку мало.

Михалыч хмыкнул, проверяя крепления. Доктор был по-своему прав. За годы дружбы они изрядно пообщались на рыбалках и охотах. Но сегодня было не до философии.

– Барометр не поднимается, – заметил доктор, глядя на прибор. – К вечеру опять метель будет.

– Знаю. Центр циклона. Потому и выезжаем сейчас. До точки километров сорок пять, если через Медвежий распадок. С санями и по свежему снегу – часов шесть-семь. К вечеру будем на перевалочной точке, лагерь разобьем. А завтра утром – к portalу.

– Почему не сегодня?

– Едем пораньше, на случай задержек в дороге. Портал откроется в момент солнцестояния. Завтра в час дня по местному. Астрономический полдень. Сегодня там делать нечего.

Доктор кивнул, кутаясь в спальники. Михалыч завел мотор, прогрел минут пять, тронулся.

Первые двадцать километров шли легко – по накатанному зимнику. Потом свернули на старую лесовозную дорогу. Снегу здесь было по пояс, «Буран» шел тяжело, временами буксовал. Приходилось сбрасывать обороты, искать объезд.

В три часа остановились размяться и перекусить. Доктор достал термос с чаем, бутерброды.

– Слушай, – сказал он, жуя. – А если там никого не будет?

– В смысле?

– Ну, Тара твоя. Вдруг не придет?

Михалыч помолчал, глядя на заснеженные ели.

– Уговора не было, что придет. Был, что встретит там, за порталом. Обещала.

– Обещания... – доктор покачал головой. – Знаешь, сколько раз мне пациентки обещали больше не делать аборт? И что?

– Это другое.

– Чем другое? Тем, что она чужая? Или что ты в нее влюбился как мальчишка?

– Миш, не начинай.

– А я и не начинаю. Я заканчиваю. Просто подумай – а если она не такая, какой кажется? Если для нее ты – просто... ну, местная достопримечательность? Экзотика там... Как для наших туристов – папуасы в Новой Гвинее?

Михалыч молча собрал термос, упаковал в рюкзак.

– Обиделся? – спросил доктор.

– Нет. Просто ты не понимаешь. Она... другая. Не чужая. Иная, что ли... И дело не в том, что она оттуда. Дело в том, что между нами есть что-то... настоящее. Не могу объяснить.

– Любовь?

– Называй как хочешь. Ты же Аниму видел?

– Анима? Это да-а...

Поехали дальше. Через час Михалыч заметил – что-то не так. Остановился, заглушил мотор, прислушался. Тишина. Но какая-то неправильная.

– Что? – спросил доктор.

– Не знаю. Чуйка играет...

Он достал бинокль, осмотрел дорогу позади. Ничего. Но беспокойство не проходило. Старый армейский инстинкт редко подводил.

– Поехали, – сказал он. – И держи карабин наготове.

– Думаешь, пасут?

– Возможно.

Около часа шли молча. Михалыч выбирал самые сложные участки – где «Буран» с санями еле проходил. Если кто-то идет по их следу, тому тоже придется помучиться.

К четырем начало темнеть. Небо заволокло, пошел снег – сначала редкий, потом гуще. Ветер усилился.

– Метель начинается, – сказал доктор. – Может, встанем?

– Еще пять километров. Там есть охотничья избушка. Старая, но крыша целая.

Добрались уже в полной темноте. Избушка стояла на краю небольшой поляны, защищенная от ветра густым ельником. Михалыч загнал «Буран» под навес, стряхнул снег.

– Ты печку растапливай, – сказал доктору. – А я по дрова схожу.

Вернулся через полчаса с охапкой сухостоя. Метель разыгралась не на шутку – видимость метров десять, не больше. В избушке уже потрескивал огонь, пахло дымом и смолой.

– Если кто и шел за нами, в такую погоду потеряет, – сказал доктор, разливая чай.

– Дай-то Бог.

Поужинали консервами, выпили чаю, в который плеснули по пятьдесят грамм – для сугрева. Доктор достал маленькие шахматы, но играть не хотелось. Сидели, слушали, как воет ветер.

– Знаешь, о чем думаю? – вдруг сказал доктор. – Вот мы тут сидим, в тайге, в метель. А где-то там, за порталом – другие миры. Другие цивилизации. И они о нас, может, даже не знают. Или знают, но мы для них – как муравьи. Интересно, но не более.

– Ну опять ты за свое? – вздохнул егерь. – Тара не такая.

– Я не про Тару. Хотя откуда ты знаешь? Ты ее сколько раз видел? Пять? Десять? И каждый раз – на пару часов. Что ты о ней знаешь на самом деле?

Михалыч молчал. Доктор был прав – он почти ничего не знал о Таре. Откуда она, кто ее народ, чем занимается. Знал только, что она красива, умна, и что рядом с ней он чувствует себя... живым. Впервые после мясорубки Мариуполя. И еще есть Анима.

– А знаешь, что самое паршивое? – продолжил доктор. – Что ты готов все бросить ради нее. Дом, работу, друзей. Улететь в неизвестность. А она? Готова ли она хоть на что-то ради тебя?

– Заткнись, Миш.

– Не заткнусь. Потому что друг. И вижу, как ты себя поедом ешь. Эта твоя инопланетная любовь...

Договорить он не успел. Где-то вдали, сквозь вой метели, послышался звук мотора.

Оба замерли.

– Показалось? – прошептал доктор.

Михалыч покачал головой, потушил лампу. В темноте прислушались. Звук то приближался, то удалялся. Кто-то шел по их следу, но в метели видимо сбился с курса.

– Кто это может быть?

– Не знаю. Но вряд ли с добром.

Они сидели в темноте час, может, больше. Звук мотора еще несколько раз пробивался сквозь метель, но потом затих совсем. Михалыч выглянул в окно – снегопад затихал, снег падал реже. Температура поднялась – вместо минус тридцати теперь было от силы минус пятнадцать.

– Может, проскочил мимо? – с надеждой спросил доктор.

– Может. А может, встал на ночевку. Утром проверим.

Спали по очереди. Михалыч дежурил первым, сидел у окна с карабином на коленях. В три часа ночи его сменил доктор.

Проснулся от толчка в плечо.

– Вставай. Рассветает. И у нас гости.

Михалыч подполз к окну. На краю поляны, метрах в двухстах, стоял снегоход. Военный «Тайгун», судя по силуэту. Рядом – фигура в белом камуфляже.

– Узнаешь? – спросил доктор.

Михалыч поднес бинокль. Лицо незнакомца было закрыто балаклавой, но по манере двигаться, по тому, как он держал оружие...

– Майор Самойлов. От упырюга!

– Наш «болотный»?

– Именно.

– И че делать?

Михалыч подумал. До портала километров десять. На «Буране» с санями – час езды. «Тайгун» без груза догонит за двадцать минут. Надо что-то придумать.

– Собирайся. Выезжаем.

– Он же нас догонит!

– Посмотрим.

Вышли тихо, отцепили сани. Завели «Буран» с толкача – чтобы не слышно было электростартера. Только когда отъехали метров на триста, дали полный газ.

Позади взревел мотор «Тайгуна». Погоня началась.

Михалыч вел снегоход на пределе возможностей. Прыгал через поваленные стволы, стараясь не разбить лыжу. Срезал повороты, шел по самым рискованным участкам. Доктор вцепился в поручни седла, лицо у него было зеленоватое.

– Держись! – крикнул Михалыч, направляя «Буран» в узкий проход между елями.

Машину повело, проскочили чуть ли не боком, чиркнув по стволу. Сзади треснуло – «Тайгун» снес молодую сосенку.

Гонка продолжалась минут сорок. Расстояние то сокращалось до сотни метров, то увеличивалось до трехсот. Но майор не отставал.

И тут впереди показалась поляна. А над ней...

Портал висел в полуметре над искристо-белым снежным покрывалом тайги. Овальный, метра четыре в поперечнике, светящийся мягким сиреневым светом. Как тогда на болоте – окно в лето.

До него было метров пятьсот.

«Тайгун» взревел совсем близко, за поворотом.

– Стоп! – крикнул Михалыч доктору. – В лес! Живо!

Остановил «Буран» на опушке, снял карабин.

– Ты что?

– В засаде сиди! Если что – будешь козырем. А я его встречу.

Доктор нырнул в кусты. Михалыч вышел на дорогу, снял карабин с предохранителя. Встал так, чтобы затвор не был виден – ствол опущен, приклад под мышкой.

«Тайгун» вылетел из леса, затормозил метрах в двадцати. Майор слез, в руках «Сайга-12» с коротким стволом. На такой дистанции картечь – верная смерть.

– Здравия желаю, товарищ майор, – сказал Михалыч.

– И тебе не хворать, егерь. Куда это мы так рано?

– На рыбалку.

– С карабином?

– А с чем еще в тайге ходить? Мало ли какой осетр приплывет...

Майор сделал несколько шагов ближе. «Сайгу» держал небрежно, но палец на спусковой скобе.

– Знаешь, зачем я здесь?

– Догадываюсь.

– И? – глаза Самойлова сузились.

– Чтоб нахер пойти, майор. Со своими догадками и радостями.

Самойлов усмехнулся.

– Резкий ты стал, Михалыч. Жизнь, видать, не учит?

– Учит. Но не тому, что ты думаешь.

– А я думаю, что не по Сеньке шапка. Она – не для тебя. Ты даже имени ее настоящего не знаешь.

– Знаю то, что нужно. Тара – моя жена.

– Что?!

– По Клятве Верности. По их законам. Так что вали отсюда, майор, пока цел. Поищи другую... Лохматку по своей шапке.

Самойлов помолчал, потом расхохотался.

– Жена! Инопланетная жена! Да ты совсем крышей поехал, егерь!

– Возможно. Мое дело.

– Нет, теперь и мое. Потому что я тоже ее хочу. И получу.

– Через мой труп?

– Если понадобится.

Они стояли друг против друга. Двадцать метров. Для «Сайги» с картечью – оптимальная дистанция. Для карабина – сложнее, слишком близко. Вопрос, кто быстрее.

– Ты не успеешь поднять ствол, – сказал майор.

– А ты не знаешь, снят ли у меня предохранитель.

– Блефуешь.

– Проверь.

Портал за спиной Михалыча начал пульсировать. Потом прояснился. Егерь стоял спиной и не мог этого видеть.

– Последний раз говорю – вали, майор.

– А если нет?

– Тогда будем выяснять, кто из нас быстрее. И точнее.

– На этой дистанции точность не нужна. Картечь все решит.

– Посмотрим.

Секунда тянулась как час. Майор медленно поднимал «Сайгу». Михалыч готовился вскинуть карабин. Еще мгновение – и...

Портал за спиной Михалыча вспыхнул и погас.

Закрылся.

Майор опустил дробовик, усмехнулся.

– Опоздал ты, егерь. Твоя инопланетная любовь улетела. Если вообще собиралась прилетать.

Михалыч стоял, не веря. Портал исчез. Остался только легкий запах озона и летавшая в воздухе изморозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.